

Иосиф Гольман

Похищение Европы

Иосиф Гольман Похищение Европы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8609172
Иосиф Гольман. Похищение Европы: Москва; 2013
ISBN 5-17-019049-2, 5-9578-0287-5

Аннотация

Иосиф Гольман – президент московской рекламной фирмы, профессор, отец четырех детей, идейный вдохновитель и участник авантур и путешествий. В свободное от работы, детей и авантур время пишет серьезные книги по рекламе, которым обычно присваивается гриф `учебное пособие`. Остросюжетным же романам Иосифа Гольмана никогда не присвоят гриф `учебное пособие`.

Содержание

Пролог	4
1. Первый день плавания теплохода «Океанская звезда»	9
2. Две недели до отхода теплохода «Океанская звезда»	14
3. Один день до отхода теплохода «Океанская звезда»	19
4. Первый день плавания теплохода «Океанская звезда»	27
5. Третий день плавания теплохода «Океанская звезда»	32
6. Двадцать восемь лет два месяца и шесть дней до отхода теплохода «Океанская звезда»	36
7. Третий день плавания теплохода «Океанская звезда»	40
8. Третий день плавания теплохода «Океанская звезда»	49
9. Четвертый день плавания теплохода «Океанская звезда»	59
10. Одиннадцать лет два месяца и шесть дней до отхода теплохода «Океанская звезда»	67
11. Восьмой день плавания теплохода «Океанская звезда»	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Иосиф Гольман

Похищение Европы

Пролог

Четыре недели до отхода теплохода «Океанская звезда»

Курорт Бенидорм, провинция Валенсия, Испания

Раннее утро

...Море в такие минуты не синее и не зеленое – серебряное. Малые волны с легким шипением облизывали только что вычищенный мини-трактором песок небольшого пляжа. Для Коктебеля он бы и за средний сошел, но на Коста-Бланке любой пляж протяженностью менее километра – маленький.

А здесь его дуга, засыпанная мельчайшим серым песком и окаймленная с обоих краев огромными, обросшими зелеными водорослями валунами, вряд ли была длиннее двухсот метров. Ширина пляжика тоже не впечатляла: от воды до скального подъема, сквозь который к дороге номер 332 вела единственная круто уходящая вверх грунтовка, метров двадцать пять.

Короче – типичное место для водных процедур владельцев бесчисленных вилл, виллочек и виллищ, оккупировавших все окрестные невысокие желто-коричневые вершины. Конечно, сюда могли прийти искупаться любые желающие – испанские законы запрещают приобретать в частную собственность линию берега. Но посторонним уж больно неудобно добираться: от трассы – целый километр почти российской дорожки. Да и трасса-то по нынешним меркам – не очень: сплошные серпантины над плещущимся где-то внизу морем. Плюс сквозной проезд через россыпь прибрежных городишек, некстати увешанных гирляндами вечно красных светофоров.

Именно из-за них два нескромных джипа – новый «рейнджровер» и «БМВ Икс-5», угнездившиеся у правого края пляжа, прямо под здоровенным утесом, – добирались сюда от шикарного бенидормского отеля-небоскреба более сорока минут, несмотря на абсолютно плевое расстояние.

* * *

– Девять утра, а ни одной живой души, – в очередной раз поразился Семен Евсеевич Мильштейн местному менталитету. – У нас в Крыму уже в семь лежаки захватывают.

– Вот потому и торопятся, – усмехнулся Болховитинов, – что боятся опоздать. А здесь – всем хватит.

«Это точно», – подумал Мильштейн. Дальше по берегу, за вдававшимися далеко в море скалами, начинался пляж Сан-Хуан-дель-Аликанте – километров восемь чистого песка, в основном свободного от людей. Попозже они, разумеется, выползают, хоть и в малом – не сочинском – количестве. Но в девять часов утра там либо местные йоги медитируют, либо русские купаются.

Лично ему, Семену, отвечающему за безопасность господина Болховитинова, тот пляж гораздо больше нравится. По крайней мере незамеченным потенциальный противник не подкрадется. Здесь же – как в ловушке: со всех сторон нависают скалы, а это вызывает у Мильштейна самые неприятные ощущения еще с кандагарских времен. Въелось на всю оставшуюся жизнь – чем выше угнездишься, тем дольше проживешь.

Семен еще раз недовольно обозрел не радующую глаз диспозицию. Это не осталось незамеченным.

– Все воюешь, Мойша? – ухмыльнулся бывший командир разведотделения, вспомнив старую кликуху своего подчиненного.

– Так точно, Блоха, – тем же ответил всерьез разозлившийся Мильштейн. Еще и издевается! Если ему наплевать на собственную безопасность, пусть уволит. А если не увольняет – пусть прислушивается. Тем более что сегодня Мойша по профессионализму даст своему бывшему и нынешнему командиру сто очков форы.

– Командир! – окликнул Мильштейна Алеха, сидевший на корточках у левого крыла «БМВ». – Вон на той горе чтой-то сверкало. Сбегать? За двадцать минут слетаю, одна нога здесь, другая – там.

Лицо Болховитинова посерьезнело:

– Семен, отойдем на чуток.

Они вышли к середине пляжа, сделав свою беседу недостижимой для ушей Алехи и Мусы, второго охранника.

– Семен, мне кажется, ты перестраховываешься, – неожиданно мягко начал начальник. – Мы не в Чикаго. И даже не в Санкт-Петербурге. У нас устоявшийся, относительно небольшой бизнес. Последний грубый наезд был... дай Бог памяти... Короче, еще до кризиса. Ты, кстати, – отвесил комплимент шеф, – тогда был супер, ничего не скажешь. Даже меня удивил, хотя я тебя знаю. Но сегодня у нас врагов нет, понимаешь?

– А «Глобал»?

– Это не враги, – вразумляюще, как малому дитю, объяснил Болховитинов. – Да, они не прочь нас купить. Да, они готовы это сделать даже без нашего согласия. Но у них работа такая! Называется – недружественное слияние. И заметь – купить! А не убить. Убив, как раз ничего и не получают.

– На первых порах, – проворчал Мильштейн. – Знаем, как эти дела делаются. А мэйл этот странный?

– Ну что мэйл? – начал раздражаться Болховитинов. – Идиотская шутка.

– Чья? – жестко спросил Семен. – Леркина? Мэйл ушел с ее компьютера.

– Не знаю чья, – вынужден был согласиться шеф. – Но ты-то сам можешь предположить, что наша Лерка начала собственную игру?

– Лерка – вряд ли, – задумчиво сказал Мильштейн. – У нее башка не так заточена.

– Не могут же все места в одной женщине быть одинаково хорошо заточены, – подколот Мойшу Болховитинов. Мильштейн неожиданно покраснел: именно санинструктор Валерия Ивановна Сергеева много лет назад лишила нескладного недавнего «чмо» так осточертевшей ему невинности. Правда, тогда санинструкторшу Валерией Ивановной никто не звал. А к хорошо заточенным – и на настоящей войне просто святым – местам охотно припадала вся троица: и Агуреев, и Болховитинов, и примкнувший к ним боец Мильштейн, уродливое пятно на теле гвардейской десантной роты, как его в свое время охарактеризовал светлой памяти капитан Барсуков.

– У Лерки ветер в заднице. Политика до добра не доведет. Может, деньги понадобились партии? – предположил Мильштейн. – Этой партии всегда нужны были деньги...

– Не думаю. Она в партии для блезиру. Герой Афгана, вписавшийся в капитализм.

– Но кто послал мэйл? И зачем?

– Не знаю, – жестко закончил Болховитинов. – Приедем домой – разберемся. Я склонен думать, что здесь нет ничего серьезного. И не злись. Я же все твои маразмы принимаю: вон приехал летать в обществе трех охранников.

– Невооруженных... – уточнил Мильштейн.

– А ты хотел в Испанию со своей волейной? – откровенно заржал шеф. – Представляю их рожи в аэропорту! Семен Евсеич с личным гранатометом...

– Но ты хотя бы можешь не летать на своем сраном парашюте? – разозлился Мильштейн.

– Не могу, – резко оборвав смех, ответил шеф. – И знаешь почему?

Мильштейн промолчал.

– Потому что мне нравится летать на моем сраном парашюте, – объяснил Болховитинов. – Понимаешь? Нра-вит-ся! Я сорок лет делал то, что надо. Причем не столько мне, сколько другим: Родине, жене, начальнику, командиру роты, руководителю службы безопасности. А теперь я хочу делать то, что нравится мне! Не злись, Мойша, – добавил он, видя хмурюю рожу друга. – Слушай, а хочешь, мы тебя сегодня тоже подыдем? – оживился он от новой идеи. Над высотобязнью Мильштейна не шутили разве что ленивые: он даже в самолете, как правило, напивался вусмерть, чтобы не трястись весь полет от страха. А уж когда «отпрыгивал» обязательные прыжки... Правда, после тех оставшихся в далекой истории прыжков Болховитинов и зауважал всерьез своего щуплого подчиненного.

– Пошел ты в ж... – конструктивно ответил боссу руководитель его службы безопасности. – Можешь без парашюта. – Семен развернулся и направился к Алехе, по-прежнему пристально наблюдавшему в бинокль за окрестными горами.

Новых проблесков тот больше не видел, и Мильштейн с подозрением стал осматривать парашют, который уже тащили Муса и опоздавший всего на десять минут загорелый до черноты испанец.

Он приплыл к пляжу на мощном водометном катере, в котором у руля остался его напарник. Катер удерживался плавучим якорем, а от кормы к берегу через натягивающее устройство тянулся тридцатиметровый нейлоновый фал со специальным карабином.

Болховитинов уже переоделся в ярко-желтый – с автоматической поддувкой в случае неудачного приводнения – гидрокостюм и примерялся руками к перекладине, к которой были прикреплены стропы парашюта. Высокая стройная фигура и ниспадавшие на лоб и плечи длинные белокурые волосы делали его похожим на древнего викинга. Стоявший рядом с ним маленький и кривоногий, словно только что сошедший с антисемитского плаката, Мильштейн лишь подчеркивал мужественную красоту Болховитинова.

Семен подозрительно-враждебно осматривал красно-желтый дайкрон парашюта, а его шеф уже готовился взмыть в небо. Даже взгляд стал немного отрешенный, как это и должно, наверное, быть у человека, вознамерившегося через несколько минут вознестись ввысь без каких-либо крыльев и других неэстетичных приспособлений.

Испанец на берегу что-то крикнул испанцу в катере. Тот выбрал якорь и поддал газку. Алеха и Муса, держа парашютную ткань на вытянутых руках, встали строго за Болховитиновым. Шеф пристегнул ремни и, крепко держась за перекладину, по-гагарински крикнул:

– Поехали!

Уже разбегаясь и стараясь как можно сильнее натянуть фал, подмигнул расстроенному Мильштейну.

– Не ссы, Мойша! Парашют патентованный!

* * *

И, под вой взревевшего двигателя, взлетел, даже не коснувшись ногами набегавших волн.

* * *

Мильштейну не нравилось, когда дорогие ему люди летали как птицы. Поэтому он, по старой российской привычке, сорвал зло на подчиненных.

– Какого х... расселись? – заорал он на Леху с Мусой, хотя те и не думали садиться. – Наблюдайте за скалами!

Алеха снова схватился за бинокль, Муса тоже стал делать вид, что наблюдает.

Катер тем временем повернул на девяносто градусов и пошел вдоль берега, в сторону Бенидорма. Над ним, на высоте десятиэтажного дома, летел счастливый Болховитинов.

Через четверть часа катер развернется и пойдет обратно. Самое сложное – посадка: можно о песок ободрататься, а можно и ноги сломать. «Ничего, парашют патентованный», – повторял ободряющую фразу Мильштейн, как вдруг его внимание привлек световой блик на скале метрах в семистах от пляжа.

– Бинокль! – заорал он Алехе, но тот уже и сам все видел.

– Там снайпер! – сдавленно выдохнул Алеха. – Он целится!

Мильштейн схватился за рацию.

– Блоха, прыгай! Прыгай! – перекошенным ртом орал Семен. – В тебя стреляют!

Рация не отзывалась: несмотря на все просьбы Мильштейна, в небе Болховитинов постоянно ее отключал. Чтобы не мешала.

– Прыгай, Блоха! – теперь уже беззвучно молил Мойша, не в силах что-либо изменить в происходящем. – Прыгай, пожалуйста! – В воде был бы шанс спастись: у стрелка ограничен угол обзора.

Но – не судьба. Три хлопка почти слились: работа высокого профессионала. А с неба полетели – видимые даже без бинокля – вырванные крупнокалиберными пулями куски ткани гидрокостюма и человеческой плоти.

* * *

Побелевший Мильштейн пару секунд стоял молча. Потом почти спокойно приказал ошарашенным подчиненным и перепуганному испанцу вытащить тело, а сам неспешной походкой направился к «рейнджроверу», не забыв изъять у Алехи бинокль. Вообще-то его машиной был «бимер», но сейчас ему нужен был «рейндж».

* * *

В одно касание машина преодолела первый подъем, но крутиться по серпантину, выезжая на 322-ю дорогу, Мойша не стал. На первом же правом повороте – точнее, намеке на поворот: может, от строителей трассы осталась дорожка, а может, от древних римлян – свернул по направлению к стрелку. Подобие дороги кончилось через двести метров, но этого оказалось достаточно: Мильштейн внимательно разглядел и одежду человека, и марку машины, в которую тот торопливо залез, – темно-синий «джимни», небольшой джипчик, явно взятый в прокате.

– О'кей, – улыбнувшись, сказал Мойша. И каким бы ни был профессионалом удачливый стрелок, если бы он видел эту улыбку, то вряд ли остался бы равнодушным.

«Ровер» сдал назад и полез по серпантину вверх. Пару раз Семену удалось спрямить дорожные петли, пользуясь автоматом курсовой устойчивости «рейнджа».

Очень скоро он был на абсолютно пустынном шоссе, причем в полной уверенности, что сделал это раньше киллера. Теперь все зависит от того, в какую сторону направится стрелок.

«Джимни» вылетел навстречу за четвертым поворотом. Мильштейн еле справился с желанием устроить лобовую, но вовремя остановился. Даже, пожалуй, очень вовремя, потому что этот «джимни» был не синим, а светло-зеленым. И за рулем сидела средних лет дама.

Мойша выругался со всем умением, приобретенным за годы напряженной работы: от афганских будней до «стрелок» с разного рода бандюками, названия группировок которых повторяли едва ли не все наименования московских и подмосковных районов.

Он втопил в пол акселератор, со свистом разъехался с не тем «джимни» и помчался в гору, в погоню за убийцей. Еще два виража на пустынной дороге, и синий «джимни» – тот самый! – в прицеле.

«...Если бы», – вздохнул про себя Мильштейн. Из оружия в машине только ружье для подводной охоты. Впрочем, и киллер вряд ли потащил с собой огнестрельные улики. Да хоть бы и потащил – Семена это не остановит.

Водитель «джимни» заметил «рейндж» и сразу все понял: он наверняка разглядел в свою мощную оптику машины, стоявшие на пляже. Скорость погони резко возросла, ограниченная лишь радиусами виражей серпантина. Желто-серые скалы мелькали слева. Справа не было ничего. Встречных, к счастью, тоже пока не было.

Дистанция резко сократилась, и пару раз Семен видел бешеные глаза оборачивавшегося водителя «джимни», что принесло Мильштейну мрачное удовлетворение. Семен не хотел, чтобы убийца его друга просто умер, это было бы нечестно. Он должен был умереть, предварительно обгадившись от страха...

* * *

Вот и последний вираж – что-то вроде перевала, – дальше дорога пойдет вниз. Впереди левый поворот, между машинами – метров пятнадцать. Мойша вдавил клаксон – пусть враг знает – и нажал на газ.

Дистанция резко сокращалась, киллер в «джимни» был обречен. И он, понимая это, использовал свой последний шанс, выжав из двигателя все. Удержись «джимни» на трассе – впереди относительно ровный кусок, вплоть до поселка Эль-Парадиз. Что в переводе означает «рай». Там – люди. Там – полиция. А ведь даже тюрьма лучше смерти, когда есть выбор.

«Рейндж» и «джимни» разделяли каких-нибудь пара метров, когда правое колесо джипчика ушло с асфальта на камешки обочины. Его даже не пришлось бить «кенгурятником». Машина, влекомая мощной центробежной силой, пролетела, подняв сухую пыль, по узкой обочине, сбила предупреждающие столбики и на всей скорости сорвалась с крутого откоса.

Падала она долго, цепляясь за выступы и редкие кусты, сминаясь от ударов о скальный грунт. Так долго, что Мойша, остановив с помощью автоматики и собственных навыков свой «рейндж», еще мог наблюдать за растянутой гибелью своего врага.

Но ему это было уже неинтересно. Он положил свою начавшую лысеть голову на руль и обхватил ее обеими руками.

Он плакал.

1. Первый день плавания теплохода «Океанская звезда»

Морской вокзал, Санкт-Петербург

Утро

...Господи, как же трещит голова!

Игорь покосился на Катю. Длинноногая красотка облокотилась на полированный кормовой поручень, с нетерпением ожидая волнующего момента отплытия. Или, точнее, отхода, что по-сухопутному звучит гораздо менее привлекательно.

Девушку тоже наверняка задел абстинентный синдром – пусть и не столь сильно, как несчастного Никифорова, – но отказаться от лишней возможности показать себя она не могла.

И делала это, надо сказать, красиво. Гордо откинута голова, роскошная, картинно растрепанная легким бризом каштановая грива, длинные тонкие пальцы на красного дерева корабельном поручне. Вся поза – легкая, летящая. Еще б чуть-чуть – и вышел бы балет. Но – умеет остановиться на краешке. Получается романтично и сексуально.

Никифоров вздохнул. Если б, дурак, не пожадничал на СВ, имел бы вчера ночью двухместное купе и полный полет души. Контакт завязался уж больно хороший. Мгновенно законнектились в аэропорту, в очереди на регистрацию. Можно было прямо из Шереметьева рвануть на Ленинградский – и в полный улет. Вряд ли бы она отказала. Хотя кто ее знает, уж больно восторженна. Может, так же быстро гаснет, как и воспламеняется?

Ну да ладно. Что есть, то есть. Полетели «Пулковскими авиалиниями». Если б сам не пережил, никогда бы не поверил, что за час полета можно так нажраться. Этот чертов Агуреев пронес с собой в салон две здоровенные сумки фирменного виски! Упустить такую халяву было просто невозможно...

* * *

В голове у Никифорова опять завозился кто-то неумный и безжалостный. Заселозил, зажужжал в оба уха сразу, застучал маленькими злобными молоточками прямо по мозжечку. «Це два аш пять о аш», – к месту вспомнилось давно и, казалось бы, навсегда забытое.

Он подышал носом и потерял виски. Стало чуть легче.

Если бы не Катюха, хрен бы он стоял на палубе. Что он, Питера не видел? Лежал бы себе тихонечко в каюте. Глядишь, и обманул бы алкогольное возмездие. «Хотя его не обманешь», – усмехнулся про себя Игорь. Вот уж в самом деле «Черная метка». Нет, с Агуреевым он больше тягаться не будет!

* * *

А вот и Николай собственной персоной! Вышел из палубного коридора, такой же толстый и веселый, как двенадцать часов назад. Если бы Никифоров своими глазами не видел, сколько вошло в этого человека, ни за что бы не поверил, что после этого можно так выглядеть. Да что там выглядеть! Что после этого еще можно жить!

Но Агуреев был живой. Живее всех живых, как сказал один небесталанный поэт.

– Поправимся? – сказал он Никифорову вместо «здрасьте» и достал из кармана маленькую бутылку.

– «Blake Lable», – с тоской прочитал на этикетке Игорь. – Уберите ее, – выдохнул он. – Меня от одного вида тошнит!

– А ты пей не глядя! – заржал Агуреев, сделав изрядный глоток из горлышка. И протянул бутылку Никифорову.

Тот секунды полторы подумал, взял емкость и, стараясь не вдыхать запах, влил в себя некоторую дозу. Как и ожидал, стало еще поганее.

Однако уже через пару минут полегчало.

Игорь вытер выступившую испарину, а Агуреев, от внимательного взгляда которого не ускользнула произошедшая метаморфоза, снова радостно заржал. Аж живот, огурцом торчащий над старыми джинсами, затрясся.

Хоть в ракете, хоть на лодке
Нет лекарства лучше водки, —

продекламировал он.

– Мальчики, тихо вы! – повернулась к ним Катя. – Волнующий момент! Вот-вот отойдем!

– Ну, это ты не торопись, – снова засмеялся Николай. – Отойти мы всегда успеем!

– Да ну вас! – отвернулась девушка.

Игорь с вновь пробудившимся интересом осмотрел ее замечательные формы. Хорошо все-таки, что он попал в этот круиз.

Хорошо, что встретил Катю. И вообще, как только голова перестала раскалываться на части, все сразу изменилось к лучшему. Вот что значит вовремя протянутая рука помощи!

Интересно, а если б купе вчера все-таки было, состоялось бы или нет? С ними, которые в юбках, никогда ничего до конца не ясно. Впрочем, у Игоря будет время проверить. Без малого четыре недели. Еще и надоест.

* * *

Пароход протяжно загудел, корма мелко затряслась от начавших свой долгий бег винтов. С берега замахали руками немногочисленные провожающие. Их не пустили в «заграничную» зону, и они демонстрировали свои чувства из-за проволоки.

– Прощай, несчастная страна! – без тени грусти произнес Агуреев. Его красный с прожилочками нос радостно вдыхал то ли сладкий запах моря, то ли острый аромат «Blake Lable». – Век бы тебя не видеть!

– Ну, вы патриот! – засмеялся Никифоров. – А кто в порту финну лез морду бить?

– И надо было набить, – благодушно ответил Агуреев. – Мне Россию обложить можно. Я в ней живу. А всякая ихняя сволочь пусть помалкивает. Чухонец сраный!

– Вы это в Хельсинки не скажите.

– А мы в Хельсинки и не зайдем.

– Как это?

– Так. Одну страну сократили. Что-то у них там не вытанцовывается. Времени не хватает. Или денег.

– Не понял! – разволновался Никифоров. – Мы-то заплатили.

– Ты-то заплатил? – снова заржал Агуреев.

Игорь смущенно замолчал. Сам же рассказывал про свою халяву. Ну надо же: казалось, толстяк пьян вусмерть, а такие мелочи запомнил! Надо с ним держать ухо востро.

* * *

В круиз Никифоров и в самом деле попал случайно. Не то чтобы три тонны баксов были для него фантастической суммой – проскакивали деньги и поболее! – но истратить столько на путевку, да плюс еще полстолько на сопутствующие развлечения, сейчас было бы нецелесообразно. А если открытым текстом, то Игорь Петрович Никифоров второй месяц сидел на страшной мели. После того как он уволился (а точнее – его выперли) из журнала «Буржуин», никаких серьезных заработков еще ни разу не попало. Игорь утешал себя, что все его потенциальные заказчики отдыхают: лето как-никак.

Выперли Игоря Петровича почти за дело. Он уже давно баловался скрытой рекламой, гордо именуя ее «черным пиаром». Суть фокуса предельно проста. Стоимость рекламной полосы их издания – четыре тысячи условных единиц, коими в России стыдливо обозначают американские доллары. Но рекламодатель ведь умный: зачем платить четыре тысячи журналу, если можно отдать четыреста журналисту? И пусть напишет что-нибудь хорошее и почти честное про заплатившую фирму. Эффект же от публикаций – схожий.

Схема не новая, но Игорю требовались деньги, и он зарвался. Дважды «отпиарил» фирму, которую в их издании вообще-то следовало ругать. Журнал, как и любое СМИ, по определению не может быть независимым.

(Игоря в этой связи всегда радовало название «Независимая газета». Звучит примерно так же осмысленно, как «благородный босьяк» или «целомудренная путана».)

Впрочем, и здесь нельзя рубить сплеча. Смешно, но журналистика, будучи составлена из далеко не лучших представителей человеческого рода – недаром все помнят про «вторую древнейшую», – реально способствует в любой стране, включая Россию, двум самым важным для думающих двуногих процессам: демократизации и соблюдению прав человека.)

Короче, Никифоровский «пиар» попался на глаза крупному акционеру издательского дома, выпускавшего журнал. И тому стало обидно, что за его собственные деньги поднимают его собственного конкурента. Ну а дальше – подать сюда Тяпкина-Ляпкина!

Первый раз пронесло. Вступился редактор. Свобода прессы, он молодой, ля-ля тополя.

Но через месяц снова понадобились деньги. А из потенциальных плательщиков были все те же, отметившиеся. И здесь Игорь дал маху. Понадеявшись на жару, отпуска и летний пофигизм, снова склонил желанную сумму. И с треском покинул насиженное место. На этот раз редактор не вмешивался.

Более того, чтобы другим было неповадно, у дома его встретили два крепких молодца. Прежде чем он сумел сообразить, что к чему, пару раз врезали по физиономии. Хорошо врезали: пришлось вставлять два передних зуба.

А может, просто совпадение. Хотя и очень странное.

* * *

Но и это было еще не все. Его последняя девушка, почти жена, с которой он прожил уже год, вдруг страшно ему надоела. Все в ней хорошо: симпатичная, папа с деньгами, не злая. Но нельзя же быть такой беспросветно бестолковой!

Игорь решил все добить до упора и предложил ей расстаться. Она согласилась и выгнала его из квартиры. Никифоров в пылу собственной решимости как-то позабыл, что проживает на ее жилплощади.

Давненько он не ощущал себя так! Он был бомжом, настоящим бомжом. С высшим образованием. Но этим как раз в мире бомжей никого не удивишь.

Где-то надо было бросить тело. Начал звонить по мобильнику. И здесь облом: та – в отпуске, эта – замужем. А Ленка, гадина, вообще ввела его аппарат в список запрещенных! И это после такой любви!

Ну, женщины...

И в этот момент мобильник отключился. Металлический голос объяснил несчастному, что ему следует немедленно пополнить запас средств на счету.

Совсем отчаявшись, поскреб в карманах мелочь, нашел завалившийся телефонный жетон и из автомата набрал номер Дашки. Она в свое время была у них профоргом курса. Не по должности, а по душевному призванию. Пойти чего-то выбить, организовать, устроить для нее было естественно и нормально. Причем просила и выбивала не для себя: для своих ребят.

Никифоров не раз беззастенчиво пользовался ее добротой, отдыхая то на Черном море, то даже в Болгарии в студлагере. Он, конечно, понимал, что замечен Дашкой. Но она была героиней не его романа, что совершенно не мешало ему пользоваться материальными плодами ее благорасположения.

Дашка, его последний бастион, и здесь не подвела. Во-первых, дала займы денег. Во-вторых, предложила халяву.

Она ехала в круиз от их собственной турфирмы. И той для нового направления позарез нужны были рекламные материалы. Дашка же ехала отдыхать, да и писать-то толком в отличие от Никифорова не пробовала: на журфак попала по высшему распоряжению. Вот она-то и спроворила Игоря на место копирайтера (и фотографа по совместительству). «А пока ты плаваешь, – сказала Даша, – народ повозвращается из отпусков. Найдешь себе работу».

Вот так Игорь Петрович Никифоров, никогда прежде не покидавший Родины (Болгария не в счет!) и бывший де-факто голью и босяком, поехал в шикарный трехнедельный круиз с красивым названием «Похищение Европы».

* * *

Теплоход уже довольно далеко отошел от морвокзала и втянулся в длинный узкий канал, с обеих сторон окаймленный ржавыми пирсами и грузовыми, тоже непраздничными судами.

По серой воде то и дело проплывали подкрашенные играющими солнечными лучами разноцветные языки мазута, какие-то грязные щепки и смятые полиэтиленовые пакеты.

Катя, несмотря ни на что, восторгалась видами. Агуреев, блаженно расслабившись в шезлонге, допивал вторую «Blake Lable». Никифоров стоял здесь же, с глубоким разочарованием ощущая, как центр абстинентного дискомфорта уверенно перемещается сверху вниз. Говоря проще, Игоря Петровича мучило.

Пару раз выглядывала Даша, но, завидев Игоря и Катю, уходила обратно. Никифоров ее маневры видел, однако сильно не переживал. Он брал у нее займы, не обещая при этом жениться. А значит, нечего морды строить.

И вообще, когда человека тошнит, трудно быть деликатным. Практически невозможно.

Игорь, не прощаясь, повернулся и пошел в свою каюту. На самой нижней палубе. Без окон и с неработающим кондиционером. Халява, едрена вошь!

«Если на айсберг наскочим, хрен отсюда выплывешь», – мрачно подумал он, ложась на кровать животом вниз. Ботинки и брюки снимать не стал: не был уверен, что не придется быстро бежать к унитазу.

Он закрыл глаза. Мир вокруг стал покачиваться. Никифоров подумал, что сейчас тошнота усилится, но ему вдруг стало легче. Он даже не понял, что это не его заблудшая голова кружится, а просто теплоход вышел в открытое море.

Игорь Петрович Никифоров заснул.

2. Две недели до отхода теплохода «Океанская звезда»

Улица Арбат, Москва

Середина дня

Это была бы обычная комната для переговоров в преуспевающей компании – современная, но очень дорогая, из дубового массива, мебель, космических форм аудиокомбайн «Грюндиг», медиапроектор для презентаций, – если бы не странные формы главного предмета подобных помещений: стола для переговоров. Он тоже был роскошный, из полированного дуба, украшенный по бокам замысловатой резьбой. Необычность же его состояла в том, что, сделанный в Италии по спецзаказу, он был пятигранным, причем четыре одинаковые грани – большие, а пятая – значительно меньше.

Человеку, знающему структуру компании, нетрудно было догадаться, что четыре массивных, из кожи и все того же дуба, кресла были предназначены для членов правления ФПП «Четверка». Пятое, тоже дорогое, но уже без деревянных деталей – для приглашенного на отчет топ-менеджера.

* * *

Начальник службы безопасности «Четверки» Семен Мильштейн, сидевший на гостевом месте, был более чем знающим человеком. Поэтому он даже знал, почему три кресла обиты черной кожей, а одно – сегодня пустующее – красной. На этом, «красном», месте должен был сидеть его друг Сашка Болховитинов, Блоха, один из четырех акционеров «Четверки» и ее президент.

Такое отличие было предложено, конечно, не самим Сашкой. Он был выше подобных штучек, недаром вторую свою кликуху – Князь – Сашка заработал еще в старших классах. Может, он и в самом деле был потомком древнего рода Болховитиновых, но «благородная» кличка прилипла вовсе не поэтому – в те времена еще не кичились голубой кровью прапрадедов. Просто он на самом деле был благороден, в истинном смысле этого слова.

Первым среди равных его добровольно признавали и акционеры «Четверки».

«Был... Признавали...» Мильштейн скривился от боли, вспомнив, каким стал Князь после того, как его, трижды простреленного из чудовищной, пятидесятого калибра, винтовки, вытащили на берег. Убийцы не дали Сашке ни единого шанса.

Дальнейшая суета – с никому не нужными испанскими медиками, полицией и «родными», но уже по-южному сонными, аэрофлотовскими службами, без которых нельзя было перевезти тело в Россию – запомнилась Мильштейну как безумный и натужный сон, в котором, однако, было полное понимание того, что радостного пробуждения не будет.

Впрочем, кое-что Семену удалось сделать и по своему главному служебному назначению.

* * *

– Ну, Семен Евсеич, с чего начнем? – не выдержал затянувшегося молчания Равиль Нисаметдинов, акционер номер три. Он был, как и Мильштейн, чернявый, смуглый, с быстрой мимикой умного и хитрого лица. Ростом миниатюрного Семена Вилька, конечно, перегнал, но не намного. Поэтому, чтобы не казаться ниже остальных – а Нисаметдинов очень

не любил казаться ниже остальных, – он всегда предварительно регулировал кресло, благо итальянские мастера и это предусмотрели.

– С главного, – спокойно сказал Мильштейн. – На нас открыта охота.

– С чего бы? – занервничала Валерия Ивановна Сергеева, акционер номер четыре. – Разве мы кому-то мешаем? – Ее полные красные губы слегка дергались от сдерживаемого волнения. Округлые рубенсовские формы акционера номер четыре, умело драпированные подобранными личным стилистом нарядами, еще вполне могли привлечь мужское внимание.

– Не лезь, Лерка, – быстро перебил ее Равиль. – Пусть Семен договорит.

Валерия Ивановна недовольно скривила губы, но спорить с Нисаметдиновым не стала.

– А я, собственно, почти все уже сказал, – бесстрастно заявил начальник службы безопасности.

– Как – все? – взвился Нисаметдинов, отчаянно жестикулируя руками. – Сам же сказал – на нас открыта охота!

– Открыта, – вздохнул-всхлипнул Семен Евсеевич, заморгав маленькими глазками – не к месту вспомнил спокойный взгляд уже мертвого друга: пули, измочалив грудную клетку, совершенно не зацепили Сашкиного лица.

– Ну так надо что-то делать! – чуть не взвизгнул Вилька. Он был финансовым гением компании, но никогда не отличался спокойствием и бойцовскими качествами: это было уделом Князя и Агуреева – последнего многие сотрудники «Четверки» за глаза называли Папа. Ну и, конечно, Мильштейна, без которого в последние годы не обходилась ни одна острая ситуация.

– Не суетись, Вилька, – тихо сказал Агуреев, акционер номер два. Нисаметдинов сразу замолк.

Николай Максимович Агуреев внешне совсем не был похож на покойного Болховитинова. Первый – Князь, второй – типичный рязанский мужик, большой и толстый, с лукаво поблескивающими глазками на огромном и, мягко говоря, неинтеллигентном лице. Сам же Максимыч, выпив – а он это дело любил, – называл собственный лик харизмой. Схожей у акционеров номер один и номер два была разве что манера говорить: негромко и небыстро. Но и того, и другого всегда выслушивали очень внимательно.

– Хотя какая-то информация есть? – спросил он у Мильштейна.

– Есть, – согласился тот. – Мы стали объектом атаки со стороны испанской националистической организации.

– Что за чушь? – Даже Агуреев не стал скрывать эмоций. – Чем мы обидели испанских националистов?

– Не знаю, – честно ответил Мильштейн. – Но киллер был их действующим боевиком. За ним три теракта, два трупа. Плюс наш Блоха. Это все, что удалось узнать.

– И на это ушли тридцать тысяч евро? – не выдержал Нисаметдинов.

Мильштейн заметно напрягся.

– Заткнись, Вилька, – бесцеремонно оборвал его Агуреев. – Молодец, Семен. Как тебе удалось проколоть информацию?

– Их офицеры тоже нуждаются в деньгах, – бесстрастно ответил Мильштейн. – Кроме того, они были рады, что Луис Антонио Перес нашелся. И чрезвычайно рады – что в таком виде. Смертная казнь там запрещена. А этого Переса многие... – Мойша замешкался, подбирая слово, – ...не любили.

– Ты уверен, что они не списали на этого ублюдка бесхозный труп? Ведь машина была разбита в дым и в конце сгорела.

– Его опознали по зубным протезам и анализу ДНК. Сто процентов – это Луис Антонио Перес.

– Молодец, Семен, – еще раз повторил Агуреев, конечно, заметивший реакцию Мильштейна на заявления Равиля о деньгах. Щепетильный и болезненно мнительный Мойша мог отреагировать неадекватно. – Ты сделал все, что мог.

– Если бы это было так, у нас бы не было пустых кресел, – вздохнул Мильштейн.

– Ладно, Семен. Не стоит себя грызть. Мы все понимаем, что управлять Блохой было невозможно. Ты забил тревогу вовремя. Давай лучше думать, как жить дальше. Если, как ты пугаешь, нас всех перебьют, то Сашкиным детям придется тяжело.

– Я не пугаю, – сказал Мильштейн. – Я информирую.

– Хорошо, – устало согласился Агуреев. Его мужицкое, с грубыми чертами лицо – огромные губы, бесформенный нос картошкой, рыхлые большие щеки – вдруг сразу как-то отвердело и перестало казаться глуповато-добродушным. – Переходи к конкретным рекомендациям.

– Перехожу, – подвел черту Мильштейн и, как по бумажке, начал перечислять: – Первое. В бизнес-среде я не нашел фигуранта, заинтересованного в смерти наших акционеров. Второе. Я имею информацию, что это угроза скорее внутренняя, чем внешняя.

– Наши менеджеры? – ужаснулась Валерия.

– Третье, – не обращая внимания на акционера номер четыре, продолжил Мильштейн. – Предлагаю оставшимся в живых акционерам, – Равиля и Валерию при этих словах просто-таки физически передернуло, – две недели провести под домашним арестом, не покидая своих квартир. Охрана наша, и я еще поднанял. Люди абсолютно надежные, результат гарантирован. Если, конечно, не будете высовывать нос.

– Ну а дальше? – улыбнулся Агуреев. – Что будет через две недели?

– Через две недели «Океанская звезда» уйдет в первое плавание. Авиарейс в Питер я скуплю целиком. Для пассажиров. Ваши места бронированы под чужие фамилии. Двадцать один день по разным странам. Какие бы ни были ресурсы у противоборствующей стороны, им будет тяжело что-нибудь сделать. К тому же мы произвольно можем менять порты заходов, в путевки внесены соответствующие дополнения, на это выделена скидка.

– Какая скидка? – вспыхнул Равиль. – Ты в курсе, сколько мы истратили на ремонт этого корыта?

– Подожди, – мягко остановил его Агуреев. – Хорошо, Семен, допустим, ты прав. Пять недель безопасности у нас есть. А что дальше?

– За пять недель я найду заказчиков, – сказал Мильштейн и в первый раз улыбнулся. В этой компании он был младший, но сейчас, похожий на рано состарившегося мальчишку, он вызывал у Агуреева жалость и страх одновременно. Ну, не страх, конечно, а скорее настойчивое чувство опасности. Только столь далекий от жизненных реалий человек, как Вилька, мог этого не понимать.

Агуреев еще раз мысленно поблагодарил покойного Князя за умение подбирать кадры: в нынешней ситуации Семен явно будет нелишним.

– Вы что, спятили все? – живо вошла в беседу Валерия. – Какие пять недель? У меня пленум в конце месяца. Я, может, членом ЦК на нем стану, – гордо сказала она, оценивая реакцию компаньонов.

– Если красные вернутся, это может пригодиться, – спокойно сказал Мильштейн.

– Типун тебе на язык, – мгновенно отреагировал Вилька.

– Но лучше быть живым акционером «Четверки», чем мертвым членом ЦК, – невозмутимо закончил фразу руководитель службы безопасности.

– Да, может, Князя вообще случайно убили! – запальчиво воскликнула будущая член ЦК. – Перепутали и убили! Мы все его любили. Но что теперь поделаешь! Надо же – испанские фашисты!

– Националисты, – поправил Мильштейн.

- Один хрен. Где мы и где они? Не надо было ездить в Испанию!
- Сейчас любая страна рядом, – сказал Семен. – Все. Я закончил.
- Подводим итоги, – сказал Агуреев. – Две недели мы отсиживаемся здесь. Потом три – на «Звезде». Далее – обычная жизнь.
- Именно так, – подтвердил Мильштейн.
- Значит, решено. В конце концов, мы все уже черт знает сколько не были в отпусках. Наши менеджеры выросли. А при нужде есть телефоны, мэйлы и факсы.
- За всех не говори, – сварливо возразила Валерия.
- Лерка, это что, бунт на корабле? – улыбнулся Агуреев.
- Вы все меня за человека не считаете, – вдруг по-бабьи взвизгнула та. – Дали долю из жалости и за мебель держите!
- Это тебя в ЦК научили? – посерьезнел Агуреев.
- Мне сколько лет, – уже откровенно ревела Лерка, размазывая по щекам тушь. – Могу сама решать? А если я не хочу на полтора месяца в тюрьму?
- А в гроб – лучше?
- Не будет никакого гроба! У вас похуже дела были, что я, не знаю, что ли? Вы меня никуда не прятали!
- Ладно, Лер! Не впадай в истерику. Не хочешь – оставайся дома. Семен просто делает свое дело.
- А может, Семену просто нравится вами командовать? – ужалила она напоследок. Мильштейн дернулся как от укола. «Как был психом, так и остался», – с горечью подумал Агуреев, а вслух сказал:
 - Все. Хватит. В отсутствие Сашки в красном кресле буду сидеть я. – Он ловко выпростал свое большое тело и из черного кресла пересел в кресло Болховитинова. – Базар закрыт. Если допустим демократию, нас всех перебьют. Пусть Семен делает свою работу.
- Мильштейн встал и уже собрался направиться к выходу, как Агуреев его снова остановил.
 - Есть еще один вопрос. Он ставится в третий раз, и, я думаю, его надо решить.
 - А я думаю – не надо, – быстро отреагировал Семен.
 - Не дерзи старшему, – улыбнулся Агуреев. – Все помнят, что Сашка всегда хотел ввести Мойшу в акционеры. Все помнят, чем «Четверка» обязана Семену. У нас троих было по тридцати одному проценту, у Лерки – семь. Я предлагаю отдать господину Мильштейну десять процентов от доли Князя, а остальное поровну распределить оставшимся.
 - Не возражаю, – сказал Равиль, только сейчас ощутивший степень нависшей над ними опасности. Разборки никогда не были его сильной стороной, и он был рад, что на это есть соответствующий человек. К тому же его доля все равно возростала.
 - Мойше – не жалко, – вдруг весело сказала Валерия, подмигнув Мильштейну. – Он не всегда такой злющий. – Она уже отошла от нервной ситуации и, не смущаясь компании, с помощью маленького перламутрового зеркальца ловко подкрашивала себе слегка потекшие глаза.
 - Значит, решено, – подвел черту Агуреев.
 - Нет, – жестко ответил Мильштейн. – Этого не будет. Хоть увольняйте.
 - Но почему? – обиженно даже спросил Агуреев. – Это ведь Сашкина воля!
 - Потому что я хочу, чтобы хоть один человек был вне подозрений.
 - Ты что говоришь, Мойша! – побледнел Агуреев. – Ты нас, что ли, подозреваешь?
 - Я всех подозреваю, – ответил тот. – По вашему уговору, доля погибшего распределяется между оставшимися. Почему же мне вас не подозревать?
 - Совсем ты спятил, Мойша, – с сожалением сказал Агуреев. – Ладно, давай действуй. Покажи, на что способен. Закроем эту историю – вернемся к вопросу.

Мильштейн молча кивнул и вышел, даже не попрощавшись с собравшимися.

3. Один день до отхода теплохода «Океанская звезда»

Международный аэропорт Шереметьево, Москва

Ефим Аркадьевич Береславский был счастлив. Его детище, возвращенное и выпестованное им с нуля – рекламное агентство «Беор», – осталось в полсотне километров отсюда и почти целый месяц будет вне пределов его досягаемости. Счастье-то какое!

«Вот же интересная штука – жизнь», – про себя ухмыльнулся Береславский. Скажи ему двенадцать лет назад, что его ждет бизнес, и даже не столь уж малый, – не поверил бы ни за что. А как завертелось – так захватило полностью, стопроцентно.

И ведь неплохо вышло. Пусть они с Сашкой Орловым, старым другом и главным бухгалтером «Беора», так и не стали миллионерами, но на машинах ездят достойных, хоть и подержанных. Отдыхают у моря, причем – какого захотят. И даже позволяют себе кое-какую благотворительность. А чего бы и не позволить: определенные способности и связи одного, сложенные с трудолюбием и коммерческой хваткой другого, сделали «Беор» достаточно известным на ниве рекламного бизнеса. Супербюджеты через него, правда, никогда не проходили, но и на мели особо сидеть не пришлось.

* * *

Береславский встрепенулся: очередь на регистрацию их рейса продвинулась. Он ногой подвинул свой багаж: кофр с фотоаппаратами и чемоданчик с личными вещами, заботливо уложенными Натальей, первой и последней женой не столь уже молодого рекламиста. Впереди него стояло человек пятнадцать, и если так дальше пойдет, через четверть часа Ефим пройдет в зону вылета. А там – Питер и еще неведомая, но уже любимая им «Океанская звезда».

* * *

Так о чем он думал до шевеления вещей? Иной раз так приятно додумывать старую мысль. Это как пальцы рук удобно сложить – например, во время просмотра кинофильма: потом, если отвлечешься и расцепишь руки, то все ищешь и ищешь первоначальное комфортное положение.

Ах да. Это произошло ровно неделю назад. Ефим отчетливо помнил то сосущее душу ощущение, с которым он вошел в родную контору. Если быть честным перед самим собой, то это было ощущение... безграничной обрыдлости происходящего.

Упаси Бог, он не разлюбил профессию и тем более своих сотрудников во главе с Орловым. Просто рано или поздно – но никогда не реже раза в год – наступало состояние, печально известное всем наркоманам. Только если последние мечтали об игле, то Ефима Береславского начинала обуревать жгучая охота к резкой перемене мест. Куда-то мчаться, с кем-то знакомиться, делать то, чего не делал раньше (и чего, в скобках отметим, делать, может быть, не следовало вовсе).

В общем-то это была серьезная проблема для солидного человека, коим Ефим Аркадьевич Береславский, несомненно, и являлся.

Сам он относился к своей особенности как к естественной потребности лабильной психики творческой личности. Мама же его с давних времен определяла ситуацию куда проще,

утверждая, что у любимого сына – шило в известном месте. Причем мысль свою она выражала гораздо конкретнее и четче, нежели в вышепредложенном варианте.

Почувствовав и осознав это ужасное ощущение, Ефим Аркадьевич честно попытался изгнать его из сознания. Он посетил беоровскую типографию с мерно стрекочущими офсетными «Гейдельбергами», обсудил с Орловым основные показатели месячного бюджета и, наконец, поучаствовал с сотрудниками креативного отдела в обсуждении концепции рекламной кампании нового идеального средства от прыщей.

* * *

Так и есть: ему было скучно.

* * *

Все шло по налаженным рельсам, ребята старались, жизнь кипела. А ему, о чем-то подобном всегда мечтавшему, было скучно.

Снова подошел Орлов и, не заметив его тоски, поволок Береславского в отдел преппресс, смотреть только что купленный барабанный сканер. Купленный, кстати, по настоятельному требованию самого же Береславского.

– Какой красавец, а? – восхищался Сашка у только что распакованного аппарата. – Восемь тысяч точек на дюйм! Каждую ресницу вытащит! Даже с узкого слайда!

Вокруг «красавца» восторженно столпились компьютерщики.

– И чтоб никаких колец Ньютона! – строго сказал им Орлов. Те согласно закивали головами.

– Скажи – супермашина? – хлопнул друга по плечу Сашка.

– Супер, – печально согласился Береславский.

* * *

И тут до Орлова дошло.

– Опять в дурь поперло? – участливо спросил он.

– Типа того, – признался директор «Беора».

Орлов задумался. Во-первых, это было, как всегда, не вовремя: он и сам был не прочь сходить в отпуск. Ведь для главбухов только август и годится: июль – сдача балансов. Во-вторых, дурь Береславского могла быть самого разного калибра. Иногда это ограничивалось интенсивным изучением японского языка – Ефима Аркадьевича хватило на неделю. Или занятиями по подводному плаванию. Точнее – занятием, потому что на второе Береславский, ощутивший реальную тяжесть кислородных баллонов, просто не пошел. А иногда – как в случае с автопробегом Москва – Йоханнесбург – человек исчез для общества на два месяца. И хорошо, что вообще вернулся, потому как на пути у отморозенных полудурков была одна пустыня, три десятка рек, очень много бездорожья и две гражданских войны. Не говоря уже о мухах цеце, малярийных комарах и львах-людоедах. Хотя, с другой стороны, после того автопробега скука не мучила Береславского намного дольше обычного.

– Дурь большая или маленькая? – продолжал ставить диагноз Орлов.

– Почему – дурь? – наконец возмутился директор. – Просто творческим личностям необходим выход психической энергии.

Сашка задумался. Если честно, то господин директор неплохо потруился в отчетном периоде. По крайней мере две его новые идеи стали в этом году реально действующими, а

главное – чертовски прибыльными. В отпуске Ефим еще не был, так что – тоже совпадает. То, что сам Орлов не гулял положенное уже три года, главбух в расчет брать не стал: самому себя жалеть – глупо, а этот самовлюбленный индивид его жертву все равно не оценит.

– Черт с тобой, – сказал он другу. – Проваливай. Только, если можно, не на два месяца. И безо львов, пожалуйста.

– Старик, ты просто мать Тереза! – расчувствовался Береславский.

– А куда хоть намылился? – поинтересовался главбух.

– Еще не знаю! – честно ответил Ефим, устремляясь в кабинет собирать вещи, пока Сашка не передумал.

* * *

В кабинете его и настиг судьбоносный звонок.

Звонил Агуреев, один из хозяев финансово-промышленной группы «Четверка», с которым у Ефима сложились очень хорошие личные отношения.

– Аркадьич, ты чем собираешься заниматься в августе? – спросил тот.

– Буду в отпуске, – стараясь быть вежливым с хорошим клиентом и приятным человеком, ответил Береславский. Браться за новую работу не хотелось.

– А в круиз не желаешь? – взял быка за рога Агуреев. – На «Океанской звезде». Помнишь буклет? Вы нам его и стряпали.

– Помню, – без энтузиазма отозвался Ефим. Про «Похищение Европы» они и в самом деле сочинили бодро. Но цены там – ой-ой-ой. Вытаскивать же сейчас деньги из прижимистого главбуха, только что принесшего в жертву себя самого...

– Кроме обычных туристов, у нас там школа намечается. Для сотрудников наших региональных отделений. Мы возем человек пятнадцать – двадцать. Ты не мог бы попреподавать?

– Сколько часов и какая специализация? – живо поинтересовался Береславский, явственно учуявший халяву.

– Под рекламу пойдет часов двадцать. Ты получаешь путевку и штуку баксов карманных. Да, и фотоаппараты возьми, пожалуйста. Дашка тут наняла одного козла, но что-то он мне не внушает... Ты Дашку-то помнишь?

Ефим Дашку определенно не помнил, но обогнуть Европу за чужой счет, да еще в момент душевной ломки – что может быть чудесней подобного предложения?

– Сколько я могу думать? – решил сохранить хорошую мину Береславский.

– Кончай дурью маяться! – заржал Агуреев. – Думаешь, я не могу себе представить твою хитрую рожу?

– Сам такой, – засмеялся Береславский. Потому что уже представил себе большую и хитрую рожу разбогатевшего рязанца. – А ты-то поедешь? Все-таки ваш первый круиз.

– Н-не знаю, – как-то странно замялся Агуреев. Впрочем, Ефим не придал заминке никакого значения. – Значит, договорились, – подвел черту вечно занятый Агуреев. – Деньги тебе отдадут на борту, авиабилет до Питера завезут в офис. Каюта, кстати, двухместная.

– Одноместная, – вслух повторил Береславский, потому что в кабинет вошла Марина Ивановна, его секретарь, а также подруга самого Ефима и его жены Натальи. – Жалко, что двухместная не получается. А то б Наташку взял.

– Почему не получается? – не понял работодатель. – Вполне можешь Наталью свою взять.

– Ну ничего, – бодро продолжил Ефим. – Не получается – значит, не получается. В этот раз съезжу один. Все равно Наталья собиралась в августе ремонтом заняться.

– Я ж говорю – хитрый! – с некоторой завистью заметил въехавший наконец в ситуацию Агуреев. – Маринка, что ли, вошла? – Он общался с директором «Беора» давно и основных действующих лиц знал неплохо.

– Ты верно оценил рост котировок на бирже, – чувствуя себя немножко Штирлицем, ответил Береславский.

– Ладно, до встречи! – Веселый олигарх снова заржал и повесил трубку.

* * *

– Ну и чего ты опять удумал? – в лоб спросила Марина Ивановна. Когда-то она была старостой его группы, попортив немало крови ленивому, но изобретательному Береславскому, и он по привычке ее побаивался.

– Вот работать еду, – сообщил Ефим. – Из «Четверки» звонили, сам Агуреев. Попросил школы провести для их сотрудников. Хорошие деньги заплатит.

– Ну почему разгильдяям всегда везет, а трудягам – нет? – развела руками Марина Ивановна. – Ты смотри, из нашей группы только трое выбились. И как на подбор: прогульщик, троечник и второгодник!

– Это потому, Марина Ивановна, – неделикатно объяснил Береславский, – что трудолюбивые трудятся сами, а ленивые организуют других.

Уже уходя, Марина Ивановна вдруг вспомнила:

– Ты, кстати, в курсе того, что произошло в «Четверке»?

– Нет, а что случилось? – забеспокоился Ефим.

– Убили их президента Болховитинова. Помнишь, элегантный такой?

– Надо же, – расстроился Береславский. Теперь понятна заминка Агуреева: в такой момент фирму не бросишь. Но уже через минуту повеселел: Болховитинова он почти не знал – рекламой в «Четверке» занимался Агуреев, – а перспектива скорого и долгого плавания переполняла его впечатлительную натуру.

* * *

Наталья сначала расстроилась.

– Может, вторую путевку купить? – предложила она.

– Конечно, можно, – энергично согласился Ефим. – Всего три тысячи.

– А как же ремонт? – задумалась жена.

– Ничего страшного, отложим ремонт, – великодушно одобрил супруг.

– И дальше жить в этом свинарнике?

– Ну, ты сама не знаешь, чего хочешь! – возмутился Береславский. – В конце концов, я на работу еду, а не в игрушки играть.

– Ладно, – решила наконец Наталья. – Осенью съездим на недельку куда-нибудь вдвоем.

– Как скажешь. – Сегодня Ефим во всем соглашался с супругой.

Наталья поехала выбирать обои для предстоящего ремонта, а Береславский, задетый укорами проснувшейся совести, задумался над корнями своей беспринципности. В конце концов он пришел к выводу, что причина кроется в гормонах, избыточно выделяемых его распыряемым творческой энергией телом. А значит – виновато вышеозначенное тело, а не лично Ефим.

Такой вывод полностью удовлетворил рекламиста, и он, уже без следов душевных мук, начал собираться в дорогу.

* * *

...Береславский востепенел, убедившись, что перед ним снова возникло свободное пространство и стоящие в очереди за ним смотрят на него с укоризной. Он подтолкнул ногой свой багаж – до стойки регистрации оставалось всего три человека, – как вдруг его настойчиво потянули за рукав.

– Ради Бога, извините, пожалуйста! – сказал приятного вида молодой человек лет 27–30. – Вы не могли бы меня выручить?

– Пока не знаю, – честно ответил Ефим.

– Вы ведь на «Океанскую звезду»? – то ли спросил, то ли заявил парень.

– Да, – ответил Береславский и снова испытал ласкающее душу предвкушение счастья.

– Очень хорошо, – обрадовался парень. – Может, передадите пакет старшему механику? – Он протянул Ефиму большой и довольно толстый конверт, перетянутый скотчем. – Это для моего дяди. Только, ради Бога, не потеряйте: здесь его аттестат и какие-то судоводительские бумаги. Он мне звонил утром. Умолял прислать, а то в рейс могут не пустить.

– Так, может, найти кого-нибудь из строителей? Они точно передадут!

– Ой, вы знаете, я смертельно спешу. Если вас не затруднит, возьмите с собой. Он же не тяжелый.

– Хорошо, – согласился Береславский и взял конверт. Почему бы не сделать приятное человеку, который повезет его в столь чудесное путешествие?

* * *

Когда очередь дошла до него, Ефим сдал в багаж чемодан, оставив себе сумку с фотооптикой да пластиковый пакет с газетами для чтения и конвертом для стармеха «Океанской звезды». Сейчас, вспоминая парня, он никак не мог избавиться от ощущения, что где-то его уже видел.

«Кинозвезда какая-нибудь, наверное», – наконец решил он. Береславский не смог бы назвать и пяти фамилий любимых артистов, потому что у него не было любимых артистов. Но телевизор-то тем не менее смотрел!

– Аркадьич, привет! – хлопнула его по плечу увесистая длань. Это был Агуреев собственной персоной. В шортах, сконструированных лично с помощью ножниц из старых выношенных джинсов. И в шлепанцах на босу ногу. Рубашка с короткими рукавами, застегнутая на одну пуговицу, не могла сдержать могучего брюха, в котором, справедливости ради нужно отметить, не менее половины было мышц.

– Привет! – искренне обрадовался Береславский. Ему нравился этот человек. И было приятно, что в путешествие они поплывут вместе.

– Один в двухместной каюте? – заулыбался Агуреев, отчего его толстые щеки до минимума сузились и без того маленькие глазки.

– Ты, я смотрю, тоже без жены, – парировал Ефим.

– Позже подлетит, – отмахнулся простецкий олигарх. – Она у меня деловая! Что-то там замутить собирается вместе с нашим топ-менеджером.

– Конкуренции не боишься? – поинтересовался Береславский.

– Не-а, – отмахнулся тот. – Это ж внутри фирмы.

* * *

И тут Ефим вспомнил, где он видел парня с конвертом.

* * *

– Слушай, может, это и глупо, – сказал он Агурееву, – но лучше удостовериться. Меня тут конверт просили передать в Питер, вашему старшему механику.

– Что за конверт? – насторожился Николай.

– Документы его. Так по крайней мере объяснил парень. – Береславский вынул запечатанный скотчем конверт.

Агуреев повертел его в руках и даже приложил к уху.

– Вроде не тикает, – ухмыльнулся он. – А что тебя смутило?

– Он все время давил, что страшно торопится. А я видел его полтора часами раньше в баре, по дороге в аэропорт. Меня мой главбух провожал, Сашка, ну, мы и зашли. Все равно он с водителем. Так вот: там этот парень никуда не спешил.

– Может, как раз пакет ждал? – предположил Агуреев. – Давай ты все это специалисту расскажешь.

Он что-то сказал высоченному парню, все время отиравшемуся неподалеку, и тот бросил пару слов в небольшую рацию. А еще через минуту подошел невысокий – маленький даже – чернявый человечек, уже давно не юных лет. Подошедший не вызвал у Береславского теплых чувств, хотя рекламист видел его не впервые.

Мильштейн – а это был, конечно, он – собственноручно забрал у Агуреева письмо и, не вскрывая, сунул в сумку, которую поднес еще один гориллоподобного вида человек. Ефим успел заметить, что сумочка была странная: внешне – хозяйственная, внутри – с металлическими пористыми стенками.

«Господи, неужели там взрывчатка?» – изумился рекламист.

– Я думаю, это обычные бумаги, – как будто читая его мысли, сказал Семен Евсеевич. – Но береженного Бог бережет. Опишите, пожалуйста, того человека.

– Легко, – сказал Береславский и скороговоркой продолжил: – Лет – до тридцати, шатен, волосы ежиком. Рост – метр восемьдесят примерно. Нормального телосложения, нос узкий, с горбинкой. Уши средние, оттопыренные. На левой щеке – шрам, больше сантиметра, глубокий. Уроженец Северного Кавказа. А может, жил там долго. «Жи» и «ши» выговаривает как пишет.

– Ты прямо как мент, – поразился Агуреев.

– Знаешь, сколько я репортажей написал из розыска? – хвастливо заметил Ефим. – Причем все – с натуры.

– Не отвлекайтесь, – сухо заметил Мильштейн. – Еще приметы? Может, очки носит?

– Очки не носит, – с раздражением ответил Береславский. Он не любил, когда его перебивали. – А вот машина у него приметная: старый темно-синий «сто двадцать четвертый» «мерин» с разбитой левой фарой. Я еще в кафе обратил внимание.

Мильштейн, отойдя, что-то бросил горилле, который уже сплавил сумку еще одному человеку. «Сколько ж здесь бойцов невидимого фронта?» – поразился Ефим. Потом, вспомнив, что случилось с президентом «Четверки», счел подобную предосторожность нелишней. И впервые за последнюю неделю у него возникли сомнения в полной приятности предстоящего круиза.

* * *

Мильштейн вернулся, закурил сигаретку. Он, казалось, никуда не торопился.

– А там и в самом деле взрывчатка? – спросил Береславский.

– Не думаю, – ответил Семен. – Там либо действительно документы, либо наркота какая-нибудь. Не станут из-за одного человека взрывать самолет. Слишком нецелесообразно.

Потом они попрощались, Береславский с Агуреевым пошли в накопитель, а Мильштейн – к выходу в город.

* * *

Полет прошел абсолютно нормально, но Ефим вышел из самолета – точнее, выполз, и то с помощью Агуреева – как после катастрофы. Причина – злополучный конверт. Береславский не вполне поверил Мильштейну и боялся, что злоумышленники могли продублировать свою посылку. А когда летишь в самолете и ждешь взрыва, лучший способ отвлечься – это много-много выпивки. У Агуреева, уже начавшего отдыхать, ее было так много, что даже отход теплохода Ефиму Аркадьевичу пришлось провести в каюте. В двухместной – одному.

* * *

А Семен Евсеевич Мильштейн вернулся домой не скоро. Он не гонялся лично за неведомым шатеном 28 лет со шрамом на щеке. Не было нужды, коли помощников достаточно: и в форме, и в гражданском.

Шатена доставили на заброшенную дачу в орехово-зюевском районе поздним вечером, почти ночью. Сначала он сильно гонорился, ошибочно считая, что на пикете ДПС его повязали менты. Потом, по вежливому обращению поняв, что это не так, приуныл. Но не слишком: пакет, мол, попросили передать за пятьсот рублей вознаграждения. Что в этом преступного? Для него, небогатого человека, и пятьсот рублей деньги.

А потом его уже грубо кинули в подвал, и туда спустился маленький сутулый человечек с очень грустными глазами. В его правой руке зачем-то была большая пила-ножовка.

– Мне больше нечего сказать, – попытался держаться своей линией задержанный.

– Сейчас посмотрим, молодой человек, – улыбнулся Мильштейн. – У меня даже «духи» афганские на русском начинали разговаривать.

В подвале были только они двое, и хоть со связанными руками, но мускулистый задержанный мог бы попытаться сопротивляться. Однако не попытался. Дал привязать себя к мощному столбу, только смотрел затравленными глазами. Пружина была сломана.

Семен Евсеевич не удивился: он знал цену своей улыбке и давно перестал считать могилы на собственноручно обустроенном кладбище.

* * *

Слив был полный, но информации оказалось не много. В пакете – пластик. Исполнители – интернациональная банда, костяк которой действительно с Северного Кавказа. Никакой политики. Их просто наняли. За деньги. Какие? Действительно не знает. Но очень большие, раз ставкой стал пассажирский самолет.

* * *

Через два часа Семен, задумавшись, сидел на заднем сиденье темно-синего «вольво». А бранные останки того, что еще совсем недавно было Асхатом Костоевым, Муса с Алехой торопливо закапывали в теплом августовском лесу.

Был террорист, и нет террориста.

4. Первый день плавания теплохода «Океанская звезда»

*Тридцать шесть морских миль от Санкт-Петербургского порта
Из дневника Даши Лесной*

«Наконец-то я снова начала вести дневник. Моя любимая зеленая тетрадка вновь станет заполняться кусочками моей же, к сожалению, достаточно тусклой, личной жизни. Собственно, потому я его на два года и забросила, что надоело писать о ничего не стоящих мелочах. А стоящего в моей реально протекающей действительности все никак не происходит.

Раньше – расстраивалась, бесилась. Плакала даже. Теперь умнее стала. Или мудрее? Годы-то идут. Страстной любви уже не жду. Просто хочу родить ребенка. Мне так хочется хоть кого-нибудь безоглядно любить! Я не потенциального папушу имею в виду. Сделает свое дело – и пусть отваливает. А ребеночек будет только мой.

Думаю, я с этим и так подзадержалась. Я не ребеночка имею в виду, а свое физиологическое состояние: по нынешним временам в 22 годка оставаться девушкой – пожалуй, не только не модно, но уже и стыдно.

Но что есть – то есть. Не давать же объявление в газету: «Желаю расстаться с девственностью за вознаграждение»...

Ах да! В начале беседы следует представиться, даже если беседуешь сама с собой.

Итак, я – Даша Лесная. Это предмет постоянных шуток для тех, кто хочет казаться остроумным. Иногда – беззлобных. Иногда – обидных. Вон тот же Никифоров любил выстраивать ряд: степная лошадь, морская корова, Лесная Даша. С учетом того, что я с детства немаленькая, обидно было до слез. Но я всегда смеялась, постоянно того же придурка Никифорова выручая из разных проблем. Наверное, я не злая. Папино воздействие.

А если вернуться к фамилии, то вообще-то я абсолютно городская, в лесу не была со времен пионерского лагеря. Да и папа мой тоже лес видел не часто. Но он был Лесным, и я стала такой же.

По мне, пусть был бы с любой фамилией, хоть самой неприличной. Лишь бы – был.

Но – нет моего папочки. Уже пять лет нет. И я его больше никогда не увижу, разве что на фото с памятника. Но я не люблю то фото: на нем мой папочка серьезный и важный. Наверное, таким он был на работе, когда отстаивал в судах и арбитражах интересы нашей «Четверки». Дома он был совсем другим: ласковым и улыбчивым. Он изо всех сил старался, чтобы я не замечала отсутствия матери. Даже не женился на Виолетте из-за моей дурацкой ревности.

Теперь в поминальные дни я иногда встречаюсь с Виолеттой на кладбище, около папочкиной могилы. Поплачем, потом поговорим. Я каюсь в том, что не дала им пожениться, она утешает, говорит, что не дано ребенку понять взрослых. А если дано, то это уже и не ребенок вовсе. А будущий Иисус Христос.

Я же была обычной девчонкой. Ну, может, слегка толстоватой и немного близорукой. Какой из меня Иисус Христос? И я ни с кем не хотела делить своего папулю, потому что, кроме него, у меня никого не было.

У всех наших ребят были мамы и папы. На худой конец – только мамы. Но дедушки с бабушками или братья с сестрами, пусть даже какие-нибудь захудалые, троюродные, – точно были у всех. Кроме меня.

А мне особо-то было и не надо. Ну, ушла от нас мама. Уехала в сытую, самодовольную Америку. С новым мужем-красавцем. Наплевать – у меня есть мой папа.

Был...

Потом, еще при папе, Агуреев сказал, что красавец мою мать там бросил. Я сказала папе – так, мол, ей и надо. А папа вдруг разозлился. И сказал чуть не по Библии: «Никому не желай того, чего не желаешь себе».

Я тогда его не поняла, толстовство какое-то: дали по левой щеке – подставь правую. А сейчас думаю – может, он прав? Разве мне лучше от того, что кому-то – плохо?

Хорошо мне было с папой. Так хорошо, что ни с кем не хотелось делиться, даже с Виолеттой, которая мне сначала нравилась. Она тоже работала в «Четверке», а я в конторе, можно сказать, выросла. В общем, мы даже с ней дружили, пока она не положила глаз на моего папу.

Черт подери! Я даже сейчас не хочу его никому отдавать! Ничего она на него не клала. Просто они полюбили друг друга, а из-за моей дурацкой ревности им пришлось встречаться украдкой. И из-за нее же у меня теперь нет ни братика, ни сестренки, которые сделали бы меня не такой одинокой...

Ну вот, чуть не полстраницы мокрые. Хотя, с другой стороны, для чего же тогда дневник? Кто-то выплачется маме, кто-то – другу или подруге. Я вот плакалась всегда папуле. А теперь у меня есть мой дневничок.

Ну ладно. Начинаю по делу. Корабль мне нравится. А вот из пассажиров – пока никто. Даже Никифоров, которого я сама же сюда и притащила, из-за чего теперь меня мучает совесть: вряд ли Игорек напишет о круизе что-нибудь стоящее. Ведь, если честно, была у меня тайная мысль использовать его в качестве одноразового папы. Парень он видный, симпатичный, на один раз сойдет. А что начинка с дерьмом – не беда. Сына Ванечку Дарья Андреевна Лесная воспитает самостоятельно, безо всяких дурных влияний.

Насчет сына я не просто так: двести кровных баксов отдала за гороскоп, если, конечно, все это не шарлатанство. Кстати, пока я думаю о сыночке, потенциальный папаша кадрит на задней палубе – или как там она называется? – расфуфыренную красотку, явно легкую на передок. Эта уж точно до 22 лет не тянула. Только бедный Игорек не понимает, что здесь ему ничего не обломится: девушка приехала серьезно работать и с халявщиком дел иметь не станет. А раскусит она Игорька быстро, несмотря на все его элегантные прикиды.

И вот тогда Кефиром – так его звали в группе – займусь я, грозная и решительная. Единственное, что пока не придумала: как сделать так, чтобы эта придурь хотя бы сутки до столь важного для меня момента не пила водку? Я уже продумывала самые разные варианты. Вплоть до того, которому сама ужаснулась. А именно – попросить дядю Семена Мильштейна запереть Кефира в какую-нибудь корабельную комнату. Дня этак на три. А потом приду я и дам ему свободу. С собой в придачу.

Нет, этот вариант слишком опасен. Дядя Семен может решить, что Кефир меня чем-то обидел, и тогда Никифоров точно не станет папой моего Ванечки. Потому что в лучшем случае дядя Семен повесит Кефира за жизненно необходимый в процессе деторождения предмет.

Дядю Семена многие побаиваются. И похоже, только я, по старой памяти, так его называю. А мне его жалко. Он был когда-то очень добрым, я думаю. А потом какие-то идиоты объяснили ему, что быть добрым несвоевременно. И он стал притворяться злым. А потом привык и действительно стал злым. Но ему от этого плохо, потому что он изначально добрый...

* * *

Перечитала написанное и сама удивилась: надо же быть такой душой! Вот ведь что про дядю Семена сочинила! Этакую страшноватую сказку. Не знаю почему, но вокруг меня все превращается в сказки. Причем не злые и не добрые. А какие-то вялотекущие. Все давно живут, а я еще в книжке. Девочка со страницы тридцать четыре.

Ну, ничего. Даст Бог, проверну операцию с Кефиром, и, если Ванечка родится, это точно будет уже настоящая жизнь.

* * *

Теперь об окружающем. Интересных молодых людей, кроме уже упомянутого неинтересного Кефира, на борту нет. Половина – знакомых, Агуреев устроил школу маркетинга для наших сотрудников. Это, кстати, хорошо, тоже буду слушать. Еще – пожилой кардиохирург, импозантный, седой, с длинными пальцами. Наверное, ужасно страшно ковыряться в чужом сердце. Хотя, с другой стороны, в своем – страшнее.

Еще заведующий каким-то столичным культурным центром, важный, толстый и лысый. Еще два педика, которые начали обниматься и хватать друг друга за все места чуть ли не на трапе. Мне-то без разницы, по мне хоть педик, хоть лесбиян. Я только с точки зрения Ванечки смотрю: эти – не отцы.

Еще три препода для нашей школы: одна – профессорша, с лицом обиженного мопса, только в очках. Второй – известный экономист, часто мелькает на экранах. Причем, когда смотрит в камеру, делает лицо более умным, чем до этого. Агуреев сказал, что чувак больше пыжится, а на самом деле даже пивной палаткой не заведовал. Я спросила, зачем же позвали? Мне объяснили, что дядька нужен для пробивания какого-то серьезного проекта.

Еще одного препода я знаю давно. Это директор «Беора» – рекламного агентства, обслуживающего «Четверку», – Ефим Береславский. Прикольный мужик, весело и с кайфом переживающий критические годы. Я имею в виду: до этого – молодой, после этого – старый. Я обрадовалась, его увидев.

Мы потрепались, он много интересного рассказал из жизни рекламы и не только. При этом лишь пару раз допустил нескромный взгляд на мои достойные формы.

– Я ничего, правда? – Мне вдруг почему-то захотелось самоутвердиться. Кроме того, мне очень важно, что думают о таких девушках люди его возраста.

– Правда, – быстро согласился он.

– А чего ж вы ухаживать не пытаетесь? Я девушка свободная. Сейчас жизнь быстрая, поговорил – и под юбку...

– Ну, во-первых, я пытаюсь, – успешно парировал он. – А во-вторых, принципиально невозможно залезть под юбку девушке в джинсах.

Тут он прав абсолютно. Короче, отбился мужик, оставив меня в моем положении.

В некотором смущении я побродила по палубе. Встретила еще несколько парочек нестарых и много пар пожилых. Эти мне симпатичны. Особенно двое: седой старичок и бабушка с больной ногой. Он таскает за ней складной стульчик. А она, когда садится, считает ему пульс: сердечник, наверное.

Я видела, какую рожу скорчил Кефир, когда с ними столкнулся. Я давно заметила, что он то ли не любит, то ли побаивается больных и стариков. Старостью, что ли, боится заразиться? А я им завидую. Всю жизнь были вместе и сейчас за руки держатся. Их ведь никто не заставляет. Просто им приятно быть вместе.

* * *

Я бы все отдала, чтобы вот так всю жизнь провести вместе с...

* * *

Нет, даже в дневнике не назову его имя. Это – запретная зона. Я никогда с ним не буду. Он и за женщину-то меня не считает. Дашка – то, Дашка – се.

Сколько его помню, столько и люблю.

Его привел к нам в дом папа. Мне, наверное, лет двенадцать было, если не меньше. Первое впечатление – в комнате стало тесно. Громкий хохот, веселые глаза и толстое пузо, которое почему-то всегда хотелось погладить. У меня такой же божок был пузатый, из красного дерева. Папа принес. И объяснил, что если желание загадать и пузо веселому божку погладить, то непременно сбудется.

А я всегда папе верю.

Вот и этого божка всей моей будущей жизни тоже папа привел.

Они пили водку и пели песни, что в общем-то для папы нехарактерно. Но веселье толстого гостя было такое ненатужное и искреннее, что и он заразился. Короче, я влюбилась сразу. И гость мне казался уже не толстым, а просто богатырского телосложения.

Уходя, задал дитю дурацкий вопрос:

– Ребенок, ты чего так на меня смотришь? Влюбилась, что ли?

– Да, – ответила я. Папа посуровел: он в отличие от гостя прекрасно знал, что я почти никогда не вру.

– Отлично, – обрадовался гость. – Сколько тебе годочков?

– Тринадцать, – соврала я, прибавив годик.

Он нахмурил лоб, что-то обдумывая. Наконец просиял:

– Значит, через пять лет поженимся!

После чего поднял меня, как котенка, на пару метров вверх и поцеловал прямо в нос. Вовсе не сексуальным поцелуем, я уже и тогда в этом разбиралась.

* * *

Потом папа стал работать в «Четверке», и мы часто виделись с предметом моей любви. Он осыпал меня конфетами и воздушными поцелуями, а я млела, считая дни из отмеренных мне для полового созревания пяти лет.

Потом убили папу, и Агуреев надолго перестал смеяться при встречах со мной. Я месяца два жила на другой квартире, у мамы дяди Семена. Он, как маленькой, читал мне сказки, когда я не могла уснуть. А однажды пришел и сказал, что папа теперь может спать спокойно, а я могу, если захочу, с завтрашнего дня перебираться домой.

Я сразу поняла, что он имел в виду. И сначала обрадовалась. Я так ненавидела тех, кто отнял у меня папу! А потом вспомнила: «Никому не желай того, чего не желаешь себе».

* * *

Нужды я, конечно, не испытывала. Материально стало даже лучше, хотя и папа здорово зарабатывал. Меня кормили, одевали. Потом уже узнала, что больших трудов стоило отбить меня у органов социальной опеки. Даже документы фальшивые какие-то делались.

Я ездила отдыхать за рубеж и каталась на безумно дорогом велосипеде. Со мной сидела настоящая гувернантка с блестящим французским, а училась я сначала в престижном лицее. Потом – в не менее престижном университете.

«Четверка» своих в беде не бросала.

Предмет моей любви заходил часто, и вид у него был как будто виноватый. Может, потому, что это он пригласил моего папу на работу, оказавшуюся смертельной.

* * *

В любви я ему не объяснялась. Представляла реакцию. Убил отца, совратил дочь. Но, когда обещанные пять лет прошли, а клятва сдержана не была, плакала как ребенок. Потому что только ребенок может верить подобным обещаниям. Даже поговорка подходящая есть: обещать – не значит жениться.

* * *

...Вот для этого и нужен дневник. Кому еще о таком расскажешь? Что любишь мужика, старше себя на два десятка лет. Любишь так, что жить без него не хочешь. Не то что общаться с нашими молокососами с факультета или качками с клубной дискотеки.

Может, я извращенка?

Последний удар мне нанесла его женитьба на Еве. Надо же, женился на Еве! Тоже мне, Адам с брюхом! Неужели он не видит, что она смотрит на него, как дикая собака динго на австралийского кролика?

Хотя это я уже от бабской злости. Ева красива, почти молода – ей не больше тридцати двух. И она – княжна. Настоящая! Это ж просто обалдеть. А я вот – Лесная Даша. Хорошо хоть не морская королева.

Прям стреляйся, и все тут. Но этого она не дождется. Это я буду ждать, пока она на чем-нибудь не проколется. Может, дать Кефиру денег, чтобы он ее прилюдно соблазнил? А может, она упадет за борт и ее сожрут акулы? Или загорит до сплошного обугливания на тропическом солнце?

Какая чушь! Тем более что мы не идем в тропики.

* * *

Ладно. Пусть живет. А я все равно буду ждать. Мне действительно не нужен никто другой. Просто с Ванечкой мне было бы легче.

А потому – кончаю писания и иду посмотреть, как там поживает наш подкисший Кефир...»

5. Третий день плавания теплохода «Океанская звезда»

Фиорды, восемь морских миль от Стокгольма Швеция

Утро

Ефим Береславский проснулся рано. Поворочался было, прилаживаясь снова нырнуть в объятия Морфея, но понял, что уже выпался. Кряхтя, встал с узкой каютной койки и прошел в крохотную душевую кабину, она же – умывальная комната.

Бритый и освежившийся, снова вышел в каюту и... ахнул: в круглом иллюминаторе, на расстоянии буквально вытянутой руки, мимо ошарашенного Береславского медленно проплывала росшая прямо из темно-серой скалы хилая, но с зелеными листочками березка. До нее можно было камнем добросить! Случись это вчера или позавчера вечером, все было бы понятным: меньше надо пить! Но сейчас-то Ефим был свеж как огурец!

Он рванул наверх и был вознагражден. Зрелище действительно оказалось не для слабонервных: лайнер вошел в фиорды. И теперь четырехэтажная (это только то, что над водой) белая громада теплохода буквально пробиралась по естественному каналу-ущелью. Скалистые серые стены, скупо освещенные бледным солнцем, отвесно уходили вверх, и в каждой выбоинке, на каждом выступе жизнестойкая северная растительность цеплялась корнями за холодные камни.

Береславский был восхищен увиденным, однако все же ему стало не по себе. Он, конечно, понимал, что огромный корабль ведет опытный лоцман. Но уж слишком близко были скалы.

Наконец фиорд расширился, полоска воды между бортом и скалами увеличилась. По расписанию скоро должен был быть Стокгольм.

Хотя не совсем так. По расписанию еще вчера они должны были ошвартоваться в Хельсинки. Однако туристам объявили, что Хельсинки и Осло не будет, а будет не запланированный вначале Стокгольм.

Возмущенных не оказалось, так как в путевках значилось возможное изменение маршрута – кроме первого и последнего пункта – в связи с необходимостью технического обслуживания и бункерования судна. Поскольку этот малопонятный анонс был дополнен весьма значительной денежной компенсацией, то от круиза отказались только четыре человека, а их места были немедленно проданы.

* * *

Ефим пошел в обход своего замечательного корабля. Гулять можно было по трем палубам, соединявшимися между собой внутренними и внешними трапами. Внешние – крашенные железные, как и положено морскому трапу. Внутренние – настоящие дворцовые лестницы: с прикрытыми коврами невысокими ступеньками, с позолоченными шпильками, эти ковры удерживающими, и с огромными картинами на морские темы, над этими якобы трапами висящими.

Больше всего Ефиму нравилась средняя палуба. Вдоль борта тянулась коврая дорожка длиной почти в двести шагов: он уже все сосчитал. Сзади, на округлой корме, был устроен пока еще закрытый сеткой довольно большой бассейн. А кормовой поручень, перед тем как окончательно повернуть к бортам, делал два маленьких загиба, образуя что-то вроде двух гнезд, одно из которых частенько было занято Ефимом.

Это действительно был кайф: облокотившись немалым животом на поручень, смотреть на уходящую чуть не до горизонта – белую по темно-зеленому – кильватерную пенную дорожку, созданную двумя мощными бронзовыми винтами «Океанской звезды»; вдыхать полной грудью вкусный морской воздух, напоенный микроскопическими водяными брызгами, и думать о... Да ни о чем не думать! Просто получать полуживотное наслаждение, ощущая себя частичкой этого водно-воздушного космоса.

Да, еще из облюбованного Береславским гнезда очень прикольно кормить чаек. Они сначала долго летят за кораблем, время от времени испуская истошные вопли. Потом, раскинув, как руки в трагическом залоге, неподвижные большие крылья, выравнивают свою скорость со скоростью корабля. И наконец, практически зависнув и устремив на тебя взор маленьких пронзительных глазок – уж не обманешь ли бедную птицу? – склевывают заранее раскрошенную булку чуть ли не прямо с ладони.

Ефиму очень нравилась эта атмосфера внезапно возникающего доверия между человеком и птицей. Он прямо-таки душой теплел, когда довольно большое и на вид небезобидное существо на лету – но как-то очень деликатно и осторожно – подхватывало слегка подброшенный съедобный подарок.

К сожалению, не все умеют ценить подобное доверие. Его коллега, приглашенный в круиз молодой журналист, дождался, пока чайка сравняется с ладонью, после чего, гнусно улыбаясь, сжал кулак с крошками. Жадность и глупость были немедленно наказаны: немаленький клюв попытался достать хлеб непосредственно сквозь пальцы.

Никифоров – а это был он – дико орал и грозился перестрелять, как он их назвал, «мерзких летучих сволочей». Чайки в ответ тоже что-то орал, а Ефим в открытую смеялся. И хотя зло было наказано незамедлительно, что-то в теплой атмосфере общения, видимо, разладилось. По крайней мере именно этим обстоятельством Ефим объяснил тот факт, что через каких-нибудь пять минут – как раз в тот момент, когда Мария принесла ему еще две булки, – жидкая и горячая струя в одно мгновение залила Береславскому пол-лысины.

– Что это было? – спросил ошеломленный Береславский.

– Надо полагать, вас обосрали, – не долго думая пояснила невесть откуда взявшаяся Лесная Даша.

Мария недобро посмотрела на девушку.

– Вот вас бы в официантки не взяли, – сказала она.

– Почему это? – удивилась та.

– За несоблюдение языковых норм! – отрезала Мария, уводя покорного и страдающего Ефима в каюту, отмываться.

Мария действительно была официанткой из туристической столовой и обслуживала как раз тот стол, за которым сидели и Ефим, и Даша. Это была миловидная, совсем еще не потерявшая женского обаяния дама лет тридцати пяти. Она сразу понравилась Береславскому, и он пару раз ехидно остановил Никифорова, тоже сидевшего за тем же столом и пытавшегося корчить из себя барина.

За это Мария улыбалась ему чаще, чем другим, а узнав про его орнитологическое пристрастие, даже выносила Ефиму булки для подкармливания небесных тварей.

– Сейчас мы вас отмоем, – ласково сказала Мария Ефиму и взяла его за руку, потому что липкая, вонючая и, как выяснилось, довольно едкая жидкость начала сползать Береславскому на глаза.

Он мечтал как можно скорее добраться до каюты, но, по закону подлости, встретился и с другом Агуреевым, не пожелавшим сдерживать хохота, и с возвращавшимся из медпункта с перевязанной рукой коллегой-журналистом.

– Вот гады какие, а? – давась от смеха, с трудом вымолвил Агуреев. – Ты в следующий раз мишень-то – прикрывай!

А Никифоров просто ржал и даже пытался комментировать, пока Береславский, поставшись максимально расслабиться, все же не объяснил ему, что дерьмо на голове существенно лучше дерьма в голове. Эта сентенция получила безусловное одобрение присутствующих, а морально и физически поверженный Никифоров поспешил скрыться в сторону своей подводной каюты.

Но нет худа без добра: добравшись до крохотного душа, Ефим надеялся получить от доброй Марии не только душевное тепло. Смыв с ее помощью с покрасневшей лысины едкий продукт чайкиной жизнедеятельности, Береславский с удовольствием обнаружил себя в обществе очень привлекательной и душевной женщины, к тому же снявшей – дабы не забрызгаться – кофточку со своей еще вполне упругой груди. Все оставалось в рамках приличий – закончив смену в столовой, добрая Мария переделалась в купальник.

– Что ж мы все так официально? – сделал первый шаг очистившийся и повеселевший Ефим. – Может быть, перейдем на ты?

– Вообще-то нам не положено, – засмушалась женщина.

– Но ты же не на службе, – перевел теорию в практику Береславский. – «Маша» лучше звучит, чем «Мария». Уж слишком торжественно.

– Хорошо, – сказала теперь уже Маша, а не Мария. – Только мне надо идти.

– Куда спешить? – удивился Ефим. – У тебя ж перерыв. Посидим, кофе попьем.

– Ладно, только ненадолго, – несильно возражала Маша. – А вы фотографируете? – спросила она, показывая на стоящий в углу кофр с фотоаппаратурой.

– Вообще-то я член Союза фотографов России, – гордо заявил Ефим, не вполне, впрочем, уверенный в существовании названной им организации.

– Ой! – обрадовалась Мария. – Здорово-то как! А вы мне карточек не сможете сделать? Я мужу обещала послать.

Упоминание о муже в подобном контексте сильно остудило размышлявшего фотографа. Но – что ж поделать. Надо принимать жизнь такой, какая она есть. Маше-Марии будет что послать мужу: фотографировал рекламист действительно неплохо.

Маша надела кофточку, причесалась, подкрасила губы и села так, чтобы в кадр попал иллюминатор.

– Получится? – спросила она.

– Без сомнения, – заверил фотограф, уже держа в руках могучий «Canon EOS 1V». – Только портретный объектив надену и вспышку нацеплю, а то свет контровой.

– Хорошо, – сказала Маша и сложила губы бантиком.

Ефим сделал пару снимков, потом еще и еще: когда работа начиналась, остановиться ему было трудно. Объект и так был ничего, а с помощью нехитрых фототрюков смотрелся просто моделью. Войдя во вкус, только и командовал:

– Повернись! Голову выше! Чуть направо! – и все такое, что всегда говорят в таких случаях фотографы. «Муж будет доволен», – подумал он, отсняв полплетки.

– Ну, вроде все, – сказал Береславский, отвернувшись от Маши и собираясь отсоединить мощную вспышку «Metz»: имеющая несколько ламп и компьютерный механизм управления, в опытных руках она гарантировала не только тривиальное отсутствие эффекта «красных глаз», но и возможность художественной съемки в любых условиях освещенности.

– А можно еще так сфотографировать? – скромно спросила Маша.

Ефим обернулся: она снова сняла кофточку.

– А то он меня по полгода не видит, – объяснила женщина.

Ефим с удовольствием отщелкал еще несколько кадров.

– А может, – вдруг осенило его, – если вы так редко встречаетесь, эротическое что-нибудь снять?

– А можно? – засмушалась Маша.

– Легко! – поклялся Береславский. – Снимай купальник.

* * *

Фотосессия длилась еще не менее получаса и была на редкость плодотворной: в кармашке кофра ожидали проявления уже четыре катушки.

* * *

– Может, эти, последние, лучше мужу не посылать? – вдруг спросила Маша, ласково обнимая Ефима теплыми мягкими руками.

– Да, лучше, наверное, не посылать, – ответил слегка запыхавшийся Ефим, – Точно лучше не посылать, – окончательно решил он, вдруг почувствовав укол нехоти проснувшейся совести. Не из-за неведомого Машиного мужа, конечно. А из-за конкретной жены Натальи, которую и в самом деле любил.

* * *

Береславский даже расстроился: и почему все приятное – обязательно не вполне законное? Кроме того, он еще побаивался грохнуться с чрезмерно узкой морской койки.

Ну а в остальном его жизнь в данный момент времени была просто восхитительной...

6. Двадцать восемь лет два месяца и шесть дней до отхода теплохода «Океанская звезда»

Сиреневый бульвар, Москва

Хорошо в конце мая побалдеть на Сиреневом бульваре! Учеба – позади, экзамены еще не завтра. Да и бульвар назван так не зря: белые, синие, фиолетовые гроздья распустившейся сирени распространяют повсюду резкий волнующий запах. Он и на взрослых действует мощно, будя самые сокровенные воспоминания. Что же говорить о лицах препубертатного возраста?

На зеленой скамейке сидели два как раз таких лица: уже и пацанами не назовешь, и юношами еще рано.

Один, плотный и какой-то уравновешенный, сидел как все нормальные люди, то есть задницей на зеленом деревянном сиденье. Второй угнездился непосредственно на спинке скамейки, легко и естественно удерживая равновесие зацепленными за планку пальцами ног. Прямая спина и высоко поднятая голова делали его похожим на соколенка.

– Я тебя не понимаю, Блоха, – говорил плотный. – С твоими отметками тебя не то что в наш девятый – тебя в «три четверки» возьмут! Третье место на московской олимпиаде! Совсем ты сдурел, Сашка!

Однако его приятель Александр Болховитинов, очень любивший математику и подававший в этом плане немалые надежды, вовсе не стремился в физико-математическую школу номер 444, одну из лучших не только в их районе, но и во всей стране.

– В «три четверки» пусть Вилька ходит, – задумчиво ответил он. – Каждому свое. А мне хочется простора.

– Мама-то как будет переживать! – как-то по-бабьи заохал первый. – Ее бы пожалел.

– Мою маму жалеть не надо, – с затаенной гордостью произнес Сашка. – Она того не заслуживает. – Сашкина мама была завучем их школы, но любая собака в микрорайоне знала, что своему единственному сыну эта веселая и независимая женщина в школьных делах никогда и ни в чем – помимо официальных отношений – не содействовала. У нее были свои – давно уже не модные – представления о принципиальности, которые, кстати, полностью совпадали с жизненными принципами не по годам самостоятельного сына.

Папы в этой неполной, из двух человек, семье, занимавшей большую комнату в четырехкомнатной коммуналке, не имелось – он погиб в какой-то морской научной экспедиции: Сашка был еще совсем крохотным. Но Светлану Васильевну порой в дрожь бросало, когда она доставала старые фото: настолько похожи были старший и младший Болховитиновы. Не только статью, мускулистыми, развитыми спортом телами, цветом волос или разрезом глаз. В Сашке уже сегодня просвечивало то, чем в свое время Сашкин отец пленил его маму – какое-то гордое благородство, «необщее выражение лица», столь непопулярное – и порой даже опасное – в стране, полвека культивирующей коллективизм.

* * *

В отличие от друга у Кольки Агуреева – по-дворовому Огурца – отец был, и Колька с ужасом думал о ситуации, когда его семья вдруг осталась бы без бати. Колькин батя был по-настоящему ответственным человеком. Сам приехал из нищей – да что там нищей, голодной! – рязанской деревни, сам зацепился сначала за ПТУ, потом за свой прокопченный цех на старом московском заводе.

(«Как ты выбирал профессию?») – спросил его класс в пятом сынок: ему задали сочинение на соответствующую тему. «По наличию койко-места», – не задумываясь ответил папа. А потом сам же помог недоумевающему сыну написать, что его папу с детства необычайно тянуло к обработке черных и цветных металлов методом точения.)

Сам – без благов и без родительских денег (просто смешно говорить про деньги батиных родителей: от своего работодателя они получали «палки»-трудодни, иногда обеспеченные какой-никакой едой, а иногда – только «спасибом» Родины) – получил на заводе квартиру, вкалывая как черт и ни разу не отказавшись ни от командировок, ни от сверхурочных. «Всего шестнадцать лет прожил в общежитии», – с серьезным видом шутил батя. А может, и не шутил: многие его одноклассники по ПТУ до сих пор маялись в общагах или, не выдержав, уехали обратно, благо на селе хоть от голода пухнуть перестали.

Короче, Огурец своего батю уважал.

Может, только в одном они и не сходились: Колька очень хотел братика или, на худой конец, сестренку, а батя твердо заявил, что, кроме Кольки, им с матерью больше никого не нужно. Сказал открытым текстом: не намерен, мол, плодить голытьбу.

«Мы с мамкой – лимитчики, – частенько повторял он сыну. – Ими были, ими и помер. Ты – другое дело. Ты – москвич. А в Москве без денег не проживешь, здесь огорода нет. И без крыши над головой тоже. Разве тебе не нравится отдельная комната?» Отдельная комната в пятиэтажной «хрущевке» очень нравилась и Николаю, и двум его лучшим друзьям – Сашке Болховитинову и Равильке Нисаметдинову, – у которых такой роскоши отродясь не водилось. Так что хоть и жалко было Кольке до слез очередного неродившегося братана или сеструху (родители искренне считали, что он верит, будто его маманя раз, а то и два в год ходит лечить желудок. Как будто он не понимает, что лечат женщины в гинекологическом отделении), но к советам своего мудрого бати сын прислушивался очень внимательно.

– В общем, я тоже ухожу из школы, – объявил Огурец.

– Куда? – заинтересовался Сашка. Он всегда искренне интересовался успехами и неудачами друзей. Видно, к дружбе тоже бывает дар, и этим даром Болховитинов, безусловно, обладал.

– В Суворовское, – польщенный вниманием друга, объяснил Николай. – А потом – в училище, артиллерийское. Батя говорит, погоны всегда прокормят. И пенсия в сорок пять.

– А ты уже о пенсии задумался? – заржал Блоха. – Слушай, а почему не ракетное? – вдруг заинтересовался он. – Пушки ж вроде устарели?

– Вот все и рвутся в ракетчики, поэтому там конкурс больше, – раскрыл нехитрый секрет Агуреев.

– А в Суворовское конкурса нет?

– Есть, – вздохнул Колька. – Еще какой. Ты, кстати, знаешь последний анекдот? – Агуреев поднабрался за время хождения в военкомат. – Почему сын полковника не может стать генералом?

– Почему? – спросил Болховитинов.

– Потому что у генерала есть свой сын! – заржал Колька.

– Но твой-то батя не генерал! – почему-то разозлился Блоха.

– Зато он автомеханик отличный. Представляешь, после смены месяц ходил к нашему военкому, «Волгу» его делал, – раскрыл страшную тайну Агуреев. Другому бы ни за что не сказал, даже Вильке. Блохе – можно: ему – как в могилу.

– А у них своих, что ли, нет?

– Какие механики из семнадцатилетних салажат? – батиным жестом и, видимо, батиними словами ответил Агуреев. – И потом, «Волгу» эту к списанию готовят. Сам же военком и купит. А батя ее сделал как игрушку – еще сто лет проходит. Короче, детали – казенные, руки – батины, «Волга» – военкомова, – хохотнул Агуреев.

– А ты – в Суворовском, – закончил Блоха.

– Точно, – усмехнулся друг. – Я знаю, ты этого не любишь. Но вся жизнь такая, понимаешь? А ты – как с Луны свалился. Ладно, хорош, – перебил сам себя Колька. – Сам-то куда решил?

– В мореходку, – даже лицом просветлел Сашка. – Знаешь, мне море ночами снится.

– Как оно тебе может снится, если ты там ни разу не был? – начал было и осекся Агуреев. Тема была больная: три года подряд Блоха был первым претендентом на призовую поездку в Артек. Но, на беду, в школе учились дети больших шишек, и два раза к самому синему морю ездили их отпрыски. А в третий между Блохой и морскими просторами стала... собственная мама, которой было неудобно посылать в привилегированный лагерь сына завуча. Блоха на маму, конечно, не обиделся, но дня три ходил с красными глазами.

Светлана Васильевна чувствовала свою вину, однако ее зарплата не позволяла ей проводить с сыном отпуска на море. Так что любовь Блохи к голубым просторам была, во-первых, заочной, а во-вторых – без взаимности.

– Может, все-таки тебе лучше десятый закончить? – задумался Колька. – А потом в морской вуз. А то как бы в армию не загребли!

– Отслужу, – спокойно сказал Блоха.

– Попадешь ко мне во взвод – шкуру спущу! – заржал Огурец.

– Тогда я лучше сейчас тебя прикончу! – грозно заявил Блоха, бросаясь в атаку.

Хоть и был Агуреев крепок и здоров, но так и не смог заломать верткого и выносливого Блоху.

– Все, хорош, – запыхавшись, первым запросил он пощады.

Друзья отряхнулись и пошли к своему двору.

– Получается, что Вилька в «три четверки» на твою горбу въедет, – усмехнулся Огурец. – Вот ведь хитрый татарин!

* * *

Равиль Нисаметдинов действительно был татарин. Он жил в большой четырехкомнатной квартире, но свою комнату делил еще с двумя двоюродными братьями, так как в их на первый взгляд просторном жилище умещались сразу четыре (!) поколения Нисаметдиновых и особых надежд на скорейшее увеличение квадратных метров не было.

Вилька ничем не отличался от других ребят, если не считать, что раз в году, во время какого-то их поста, чуть не месяц не ел мяса: старшие Нисаметдиновы помнили и исполняли заветы предков, заставляя делать то же самое младших. Кстати, Равиль, москвич уже во втором поколении, был шустрее и ловчее обоих своих друзей. Например, он первый повадился ходить к валютному магазину «Березка», что на 16-й Парковой, скупать чеки у загранкомандированных и морячков. Блоха отказался сразу, а Колька проторчал у «Березы» месяц, пока батя не застукал и не вломил ему как следует.

(Надо сказать, лупил батя Кольку чрезвычайно редко и в основном от испуга: например, когда Огурец в шестилетнем возрасте самостоятельно поперся купаться на Серебрянку, или вот сейчас, когда мог попасть в милицию, время от времени отлавливающую валютных спекулянтов.)

А «хитрым татарин» Огурец назвал Вильку за то, что тот, мечтая о «трех четверках» – после школы хотел податься на экономический факультет в знаменитую «Плешку», и ему нужны были гарантированные пятерки по двум вступительным математикам, – уговорил Блоху пойти на олимпиаду, сначала районную, потом городскую, где Болховитинов решил почти все задачи, а Равиль их у него списал.

* * *

Блоха даже остановился:

– Как ты сказал?

Колька уже и сам понял свою ошибку: друг не любил подобных высказываний, в то время как в агуреевской семье это допускалось.

– Ладно тебе, – попытался замять вопрос Огурец. – Вилька ж наш друг! Чего цепляешься!

– Кто у нас в классе самый хитрый? – спросил Блоха.

– Вовка Бочаров! – мгновенно ответил Огурец. – Он даже не хитрый. Он – хитрожопый!

– Ты про него как скажешь? Хитрый Вовка Бочаров. Так?

– Хитрожопый! – стоял на своем Агуреев.

– А почему ж тогда про Вильку ты не сказал – «хитрый Вилька»? – лез под кожу Болховитинов. – Почему один – хитрый Вовка...

– Хитрожопый, – упрямо перебил Колька.

– Ладно, хитрожопый, – согласился Блоха и продолжил мысль: – А другой – хитрый татарин?

Колька задумался: и в самом деле – почему? Почему Ленька Пельцер из их класса – умный еврей? Когда батя ругал Кольку за пропущенные уроки и ставил соседского Леньку в пример, он так и говорил: «Пока ты будешь прогуливать, этот умный еврей станет твоим начальником!» А того же Блоху называл «толковый Сашок», а не «толковый русский».

Огурец аж вспотел от такого умственного напряжения.

– Не знаю я почему, – наконец сознался он. – Слушай, пошли лучше на Оленьи пруды, окунемся разок. По дороге за Вилькой заскочим.

– Пошли, – согласился Блоха.

* * *

Друзья свернули в переулочек, чтобы срезать угол, и пошли за Равилем. Начиналось последнее лето их детства.

7. Третий день плавания теплохода «Океанская звезда»

Стокгольм, Швеция

Утро

Судно ошвартовалось ближе к полудню в районе пакгаузов, что вызвало не самую лучшую реакцию у туристов. Правда, их настроение резко подняло переданное по судовому радио объявление о бесплатной обзорной экскурсии по городу с посещением знаменитого шведского корабля-музея «Васа».

Первыми на «Океанскую звезду» поднялись пограничники и таможенники, а следом за ними – Семен Мильштейн собственной персоной. Со своими опричниками – Алехой и Мусой.

Береславский шел ему навстречу вместе с Агуреевым и Дашей.

– Ой, дядя Семен! – обрадовалась Даша, а тот, улыбнувшись одними глазами, спрятанными за круглыми стеклами очков, поцеловал ее в макушку. Для этого Мильштейну пришлось встать на цыпочки, а Даше – наклонить голову.

– Все в порядке, девочка? – спросил он.

– Абсолютно! – отрапортовала та.

– Ну и отлично, – сказал Семен Евсеевич, здороваясь за руку с Береславским и Агуреевым. Береславский с Дашей продолжили путь к трапу, у которого уже стояли пограничники, а Агуреев с Мильштейном скрылись внутри судна.

– А он собирался город посмотреть, – имея в виду Агуреева, расстроено сказала Даша. – Теперь здесь застрянут.

– Ладно, сами посмотрим, – сказал Береславский. С Дашей у него сложились неплохие отношения, в девушке все было неплохо, кроме, быть может, излишней в некоторых ситуациях прямоты.

Например, Ефим поинтересовался, все ли их сотрудники такие же идиоты, как те, кому он вчера пытался объяснить место рекламы в комплексе маркетинга. Достаточно простые вопросы, на которые Береславский никак не собирался тратить больше часа, оказались не по зубам большинству слушателей.

Даша успокоила его, объяснив непонятливому преподавателю, что вчерашние слушатели вовсе не идиоты, да и Береславский ни в чем не виноват. Просто все они «перепились и перетрахались» – это ее формулировка – в первый вечер плавания и им нужно время на отходняк.

Ефим, сделав в уме нехитрые подсчеты, робко заметил, что перепиться они, конечно, могли, а вот со вторым имеется чисто арифметическая неувязочка: из двадцати слушателей лишь семь – женщины, да и те далеко не все пригодны для указанного Дашей занятия.

– Неужели у вас все извращенцы? – изумленно спросил он.

– А туристки? – язвительно парировала Лесная. – А горничные? А официантки?

– В первый же вечер? – смутился при упоминании последней профессии Береславский.

– А вы с подобным никогда не сталкивались? – усмехнулась девушка Даша. Ефим вынужден был признать, что она не только излишне прямая, но и порой излишне наблюдательная.

* * *

Вместе с основной массой туристов они прошли пограничный и таможенный контроль, после чего, проскользнув сквозь надувной – с боковинами и крышей, защищавшими от плохой шведской погоды, – трап, вышли на припортовую улочку. Здесь не было ни ярких витрин, ни нарядной толпы. Зато стояли три огромных автобуса с панорамными стеклами, которые вобрали в себя всех желающих ознакомиться со шведской действительностью.

Уже из автобуса наблюдали занятную картину: Никифоров сошел с трапа, приобняв Катю за точеные плечики. Но если лицо Кефира светилось удовольствием и надеждой, то симпатичная физиономия Кати отражала лишь скуку.

– Козел, – прошептала Даша. – До чего же тупой! Не передалось бы Ване.

– Какому Ване? – не понял Береславский, сидевший с ней рядом.

– Это я так, – пожалуй, впервые за все время их общения смутилась Даша.

Не прошло и минуты, как к автобусу вышел еще один турист: лысый и толстый, но с огромными бицепсами – деятель культуры. Он был одет в дорогие штаны, сильно смахивающие на спортивные, и открытую майку-борцовку, благо шведская погода сегодня позволяла. Судя по здоровенной «голке» на жирной шее, его культура не принадлежала к числу бюджетно субсидируемых. Об этом же свидетельствовали и часы «Патек Филипп» на мохнатом запястье. «Хотя, может, как раз наоборот, – рассудил Береславский, – покупать подобные вещи на чужие деньги всегда приятнее». Сам Ефим, уже десять лет проводивший в бизнесе, пусть и в малом, никогда бы не отдал тридцать штук баксов за хронометр. Уж лучше еще один барабанный сканер.

На Катином личике отразилась видимая часть той сложной внутренней драмы, что происходила в ее симпатичной головке. Надо отдать ей должное, Катя оказалась достойным дитем века скоростей: решение приняла за двенадцать секунд – Даша засекала.

Она объявила о своем волеизъявлении Кефиру и направилась было к культуристу, как окрестил его про себя Береславский, но весь ее искренний порыв подпортил медленно соображавший Никифоров, так и не отпустивший Катин торс. В итоге ноги уже пошли, а грудь и голова – еще нет. Получилось неэстетично, что разозлило Катю чрезвычайно. Она повернула голову к первой – на время круиза – любви и быстро, связно, а главное, громко – стекла автобуса ослабили, но не уничтожили звук – произнесла несколько слов из числа тех, которые девушки обычно не произносят.

– Неплохо сказано, – оценил Береславский, не без основания считавший себя почти экспертом по ненормативной лексике. – Не примитивно. И сравнение, и констатация, и посыл – в одной фразе, – зауважал девушку Ефим.

Обретшая свободу Катя, теперь уже ничем не сдерживаемая, рванула в сторону специалиста по культуре.

Тот, как ни в чем не бывало, обнял девушку ручищей за плечики и повел к третьему автобусу.

– Я вспомнил, где это видел! – вдруг дошло до Береславского. – В «Мире животных»! Брачные игры горных козлов!

– Каких козлов? – заинтересовалась Даша.

– Горных! – загорелся своей научной идеей Ефим. – Также постоят перед самкой, покрасуются, у кого «голда» круче или там «мерс» длиннее. И даже без драки все решают.

– Что – длиннее? – не поняла Даша. – «Мерс»? У горных козлов?

– Господи, какая разница, что у каких козлов длиннее! – разозлился Береславский. – Дело же в идее, сравнительный анализ – мощная штука.

– Нет-нет, идея хорошая, – примирительно сказала Даша. – Кстати, проигравший козел идет в наш автобус.

* * *

Через минуту Никифоров вошел в салон и сел недалеко от Даши.

– Дашк, поболтаем? – предложил он Лесной.

– Почему нет? – снова удивила Береславского Даша, быстро перебравшись на местечко рядом с Кефиром. При этом лицо ее сохраняло прежнее брезгливое выражение, что еще более поразило Ефима Аркадьевича, ранее считавшего себя знатоком женской психологии.

Он отвернулся от девушки, не выдержавшей в его глазах нравственных испытаний. И стал смотреть в окно.

* * *

Самое забавное, что район этот он знал как свои пять пальцев. Именно к седьмому причалу ошвартовался красавец паром «Ильич» в... дай Бог памяти, каком же году? Не важно. Важно лишь то, что было это больше десяти лет назад. И еще – что это был первый выезд дикого и непуганого Ефима Береславского за «железный занавес».

Раньше его даже в Болгарию не пускали, вот такой он был секретный человек.

(Шутка. Человек он был вовсе не секретный. Это страна такая была секретная, что население целых заводов, а то и городов давало соответствующим органам соответствующую подписку. О неразглашении. А следовательно – о непокидании Родины. Ибо покинувшие частенько возвращаться не хотели, а на данную когда-то подписку просто переставали обращать внимание.)

И вдруг позвонил старый приятель, замечательный хирург-проктолог Илья Сергеевич Шелудько (Ефим много к тому времени писал на медицинские темы для научно-популярных журналов), умный и веселый хохол, все давно объездивший и повидавший. И сказал, что готовится целевое путешествие, на три дня, в шведскую компанию, занимающуюся безоперационным – лазерным – лечением геморроя и трещин заднего прохода. И, если Ефим хочет, он, Илья, готов переговорить со шведами об оплате проезда известного российского журналиста.

– Конечно, хочу! – заорал в трубку Береславский. – Еще как хочу! – И вдруг до него дошло, что злополучную «форму секретности» с него никто не снимал. – Да ведь не пустят меня, Илюха, – со вздохом понизил он градус оптимизма.

– Сейчас ничего нельзя сказать наперед, – утешил его хирург. – У них там все сикось-накось. Да и к тому же сколько ты уже не работаешь в своем НИИ?

– Два года, – печально сказал Ефим. – А надо то ли три, то ли вообще пять.

– Давай так, – рассудил мудрый доктор. – Наше дело попробовать, а там – как карта ляжет.

– Хорошо, – согласился Береславский, не слишком надеясь на благополучный расклад карты.

И – ошибся. То ли соответствующим службам стало не до таких, как он, жертв секретности, то ли там действительно появились более умные люди, но загранпаспорт – служебный! – ему выдали в одно касание (учреждение Ильи оформило с ним временный договор), а шведы с удовольствием оплатили поездку, благо тогда она практически ничего не стоила. Более того, ему еще дали тридцать пять долларов командировочных! Почему именно тридцать пять? Да кто ж его знает! А спрашивать Ефим не собирался: вдруг их выдали по ошибке и теперь решат эту ошибку исправить?

(Для сравнения надо указать, что месячная зарплата Ефима-журналиста составляла восемь долларов. Конечно, он жил на другие деньги, постоянно подрабатывая написанием рекламных слоганов и листовок. Но все равно получить четырехмесячную зарплату в придачу к халявной поездке – поди плохо?)

* * *

«А ведь я и сейчас прибыл в Стокгольм так же, – вдруг сообразил он. – Разве что без опасений за выезд и с увеличенными командировочными». Тысячу «зеленых» ему отсчитали прямо на теплоходе.

* * *

Автобус задрожал от включенного двигателя, зашипел воздух в надголовных вентиляторах, зажурчала речь занявшей свое место женщины-гида. Но Ефим этого не слышал. Упершись лбом в стекло, он, как на машине времени, переместился на десять лет назад.

Вот магазин, где продавались спортивные английские «лотусы». Здесь и сейчас автошоп, только в окнах-витринах – «ауди»-«тэтэшки» и маленькие «бимеры» Z-серии. Дальше длинная улица с кирпичными стенами без окон – пакгаузы. Потом пустырь с грязными, запыленными кустами. Здесь они с Ильей, с трудом доперев пешкарем из центра города, писали. С ударением на первом слоге. Потому что собственными руками отдать в платном сортире за отправление малой естественной потребности четверть месячной зарплату – это было уже слишком. Лучше ждать, пока само рассосется. Или, если не вмоготу, пробежать четыре километра от города до вот этого пустыря.

А напротив пустыря – парк. Здесь, во-он на той скамейке, началось знаменитое предотходное гулянье хирурга и журналиста.

Нет, на самом деле началось оно раньше, когда умудренный опытом Илюшка позвонил и спросил:

– Старик, а как у тебя с баксами?

– У меня с баксами порядок, – честно ответил Ефим. – Не беспокоят.

– Я так и думал! – заржал доктор. – Значит, слушай сюда. Мы покупаем две бутылки водки и бутылку коньяка здесь, а продаем их там.

– Зачем? – не понял «невыездной» Береславский.

– А затем, неопытный ты наш, что здесь ты берешь бутылку за шесть рублей, пусть даже в очереди...

– Без очереди, у меня знакомый есть, – азартно перебил его почуявший вкус наживы журналист. – А сколько она там стоит?

– Десять долларов! – победно воскликнул хирург.

– Десять долларов?! – восхитился Ефим, не имевший оснований не верить своему многоопытному приятелю.

– Коньяк – дороже, – добавил волшебник скальпеля.

– Охренеть... – вымолвил журналист, задохнувшийся от приваливших возможностей.

– Итого, – подвел итог доктор, – эта операция принесет к моим ста долларам еще тридцать пять.

– А к моим – даже больше, – на первый взгляд нелогично добавил Ефим. Но друг-доктор все понял правильно: тридцать пять добавить к тридцати пяти будет круче, чем если их же добавлять к сотне. – А почему только три бутылки? – вдруг сообразил будущий бизнесмен. – Давай купим десять! Или пятьдесят! Я денег займу.

– Через границу можно только три, – остудил приятеля Илья. – Таможня не пропустит.

Вот так они оказались в чудном городе Стокгольме, с довольно небольшой производственной программой – освободились уже к середине второго дня – и с огромной шопинг-перспективой в виде шести непечатых бутылок отечественного алкоголя.

Уже в пути Ефим выяснил, что по три пол-литры было в багаже практически каждого российского туриста за исключением, может быть, первых, только что народившихся бизнесменов-кооператоров и представителей бессмертного племени воров-чиновников. Один из них, отвечающий за нашу бесплатную медицину, привез с собой даже красотку, с которой приключилась смешная история. На первом знакомстве все члены делегации представлялись и рассказывали о себе. Девушка же, услышав свою фамилию, встала, но сказать ничего так и не решилась. Пришлось безъязыкую выручать ее работодателю. «Она у меня для особых поручений», – объявил медицинский деятель, и в итоге все оставшиеся дни за девчонкой ходил местный спецслужбист: видно, в шведском аналоге КГБ так и не поняли «особенность» девчонкиных поручений.

* * *

«Все повторяется, – подумал Ефим. – Даже чиновник с «Патек Филиппом». Ничего не меняется. Разве что девчонку привез не с собой, а снял на месте».

Гидиха что-то вещала через микрофон, но Береславский ее не слушал. Он смотрел на те же, что и десять лет назад, зеркальные витрины, на чистенькие «немецкие» дома по берегам каналов и проток, на медные – желто-зеленые с белыми пятнами птичьего гуано – статуи по-прежнему неизвестных ему полководцев. (При мысли о птичьих атаках лицо Ефима Аркадьевича непроизвольно скривилось.)

Смотрел на то же, что и раньше, а чувствовал совсем другое. Точнее, не чувствовал.

Тогда его потрясало все. Буквально все: сразу десять сортов сыра в магазине, буйство неона, ночная жизнь на улицах, отсутствие обшарпанных домов, автомобили неведомых марок. А самое главное – никто вокруг не говорил по-русски. И все были иностранцами. Жуть просто какая-то!

А сейчас – никаких эмоций. Да, красиво. Но нынешняя Москва – в сто раз красивее. И сортов сыра в супермаркетах уж точно не меньше. «Утратилась острота восприятия», – поставил диагноз Береславский.

* * *

И тут его осенило.

Он достал сотовый телефон, порылся в электронной памяти и извлек номер Илюшки, которому не звонил уже довольно давно. Нажал на кнопку вызова. После пары длинных гудков раздался знакомый голос:

– Я слушаю!

– Здорово, спаситель человеческих задниц! – приветствовал приятеля Ефим.

– Здорово, Ефимище! – обрадовался тот. – Ты куда подевался?

– Да езжу вот тут, – скромно сказал Береславский. – По илюшкинским местам. Водкой торгую.

– Ты в Стокгольме? – ахнул доктор. – Чего ж меня не позвал?

– У нас тут круиз на четыре недели, – объяснил журналист.

– Вот ведь жалость! Я б тоже поехал. Только вчера вспоминал, как мы с тобой там «зажигали».

* * *

Гидиха включила микрофон громче, и Ефиму, чтобы быть услышанным, пришлось повысить голос.

– Мы сейчас на «Васу» едем! – сообщил он другу.

– Да хрен с ней, с «Васой»! – закричал в трубку доктор. – Слушай, прокатись там на автобусе от порта, помнишь?

– Еще бы не помнить, – ухмыльнулся Ефим. Каждый раз они с завистью смотрели на эти чертовы автобусы, отбиваясь от добрых английских старушек с соседнего турсудна, считающих, что эти русские из-за незнания языка просто не понимают, какой автобус им нужен. А им не был нужен никакой автобус, потому что билет до центра тоже стоил два доллара!

– И пожри в закусье у причала, слышишь!

– Сделаю, – отметил в памяти Береславский. На судне и тогда кормили хорошо. Но так хотелось зайти в этот светящийся – даже после полуночи! – рай... Однако не зашли: без зеленого червонца там делать было нечего.

– Да, чуть не забыл! – орал в трубку доктор. – Поссы в платном сортире, слышишь? Обязательно!

– Что сделать? – не понял сначала Ефим.

– Пописай, пописай! За деньги, понял! За себя и за меня. Ты меня слышишь или нет?

– Слышу, слышу! – радуясь, что друг переживает те же чувства, ответил Ефим. – Обязательно пописаю. И за тебя, и за себя. Ну ладно. Поаккуратней там, в задницах, – попросился он.

Выключив телефон, Береславский вдруг почувствовал, что вокруг него что-то не то. Не сразу сообразил, что микрофон отключен и гидиха молчит. А его обещание пописать – равно как и прощальное напутствие доктору – слышало по меньшей мере пол-автобуса.

Ефим поначалу засмутился, но, заметив веселый взгляд Дашки и поднятый ею вверх большой палец – мол, супер! – гордо выпрямился и улыбнулся взирающим на него согражданам.

Подумаешь, дела! Гораздо важнее то, что теперь он действительно в состоянии пописать в платном клозете. Причем и за себя, и за того парня.

* * *

А между тем автобус подкатил к «Васе». Огромный музей был построен специально для этого корабля-неудачника.

Ефим еще раз прогулялся по многочисленным палубам монстра, призванного устрашать всех морских врагов средневековой Швеции, но не сделавшего ни единого выстрела в их сторону.

Что ж, дело обычное. Строительство объекта курировал лично его высочество. А коли так, рядом вертелась огромная толпа подхалимов. Проектный древний НИИ предложил поставить полсотни пушек? А сколько у англичан? Столько же? Значит, на нашем будет вдвое больше! Какова у них высота борта? У нас должно быть круче! И так про все. Уже не говоря про украшения, которые делают «Васу» более похожей на плавучий бордель, нежели на флотскую боевую единицу. Сколько тонн лишнего веса заняли все эти бесчисленные украшения?

Короче, «Васа» глаз радовала, но плавать не умела: утонула в момент спуска на воду. Спустя века любопытные потомки осторожно извлекли ее из воды и несколько лет (!) про-

мывали специальным консервирующим раствором. В противном случае корабль бы быстро рассыпался на кусочки. И вот теперь тысячи посетителей из всех стран света ходят полюбоваться на этот позор шведских корабелов.

* * *

Обогащенные впечатлениями туристы с «Океанской звезды» снова заняли свои места в автобусе. Два часа неспешной езды по действительно красивому городу – и вновь хорошо известная Ефиму дорога в порт.

Береславский честно выполнил обещание, данное Илюшке, поэтому появление заветного пустыря не вызвало у него никаких физиологических реакций. В отличие от парка, на скамеечках которого начинался, а также заканчивался его первый – и последний! – алкогольный бизнес.

В первый же день все российские туристы свои пол-литры продали, чтобы успеть без спешки сделать шопинг. Кое-кто уже затарился подержанными запчастями к «вольво», хрусталем или иными вещами, которые можно было выгодно сбыть на родине. Самые состоятельные вместе с матросами «Ильича» закрепляли на грузовой палубе паромом только что купленные автомобили: Ефим с завистью проходил мимо рядов стареньких и не очень машин, в основном – «вольвешек», которые здесь были несравнимо дешевле, чем в России. Но тут уже речь шла, конечно, не о тридцати пяти долларах.

Со своими пузырями остались только научно-популярный журналист и геморройный доктор. Нет, теоретически они все знали отлично. Соотечественники объяснили им, что алкоголь можно продать либо в парке частным лицам, за ту самую десятку, о которой мечталось еще в Москве, либо – оптом – практически в любом кафе, но уже по семь долларов за бутылку. Расчет, разумеется, велся не в долларах, а в шведских кронах: патристичные шведы вообще не признавали заокеанскую валюту. Основным же условием правильного бизнеса было не попадаться местным ментам, которые не поощряли частную торговую практику российских туристов. В неудачном раскладе можно было лишиться бутылок, а то и визы.

Илюшка, исповедуя главный принцип медицины – «Не навреди!» – предлагал сдать все оптом. Ефим, как более голодный – и соответственно жадный, – не хотел терять по тройку или даже больше с каждого пузыря.

Поэтому пошли в парк. Пойти-то пошли, но с торговлей начались осложнения. Во-первых, было просто стыдно предлагать чужим людям купить бутылки: дома оба привыкли к определенному респекту и общественному положению. Во-вторых, оба боялись полицейских. Когда они все же преодолевали свои страхи и застенчивость, выяснялось, что предложение было сделано не тем, на кого оно рассчитано.

Первая, залихватского вида старушка, катившая по дорожке на... роликовых коньках, едва сама не вызвала полицию – так испугалась внезапно возникшего на ее пути с высоко поднятой бутылкой в руке Береславского.

– Откуда ж я знал, что она не пьет? – оправдывался Ефим. – Ты видал, какой у нее нос красный?

– Это просто сосуды расширенные, – осудил бестолкового товарища доктор. И резким шагом направился к двум мужчинам, спешащим в сторону порту. – Морячкам продаж. Смотри на их шапки, точно – ирландцы.

Ефим с завистью смотрел на ловкого доктора, который вот-вот втюхает иностранным пьяницам свое алкогольное добро. А может, и Береславского тоже, если удача склонится на их сторону. Он встал на «атас», а доктор яростно сигнализировал ирландцам об ожидавшем их счастье.

Мужички остановились и, уяснив суть дела, дружно расхохотались. Оба оказались матросами с российского сухогруза, ошвартовавшегося у третьего причала.

– Ну его на хрен, этот бизнес, – заявил покрасневший от злости эскулап, вернувшись к Ефиму.

– Не фига было к ирландцам приставать, – резонно заметил Береславский.

Короче, они отложили решение неприятного вопроса на следующий день, потом – на следующий, потом на вечер перед отходом. Наконец «Ильич» пару раз гуднул и поплыл в сторону Родины.

* * *

– Ну и чего мы с ними будем делать? – произнес доктор, брезгливо глядя на издевательски сверкавшие под мощной каютной лампой шесть бутылок. – Домой повезем? Вся таможня оборжется. Все – оттуда, а мы – туда.

– Может, их выпить? – задумчиво предложил Ефим. – Мы четыре дня уже не пьем.

Это было правдой. Сама мысль о том, чтобы выпить водки за десять баксов, казалась кошунственной. Но вот эти стоявшие на столе бутылки снова стали по шесть рублей. Так что вполне можно себе позволить.

И Ефим с доктором выпили. Закуски было самая малость – остатки того, что прихватили из дома. Возможно, они вообще бы умерли – все-таки по три бутылки на брата, – но, на их счастье, в каюту постучались двое сибирячков, хороших ребят, знакомство с которыми завязалось здесь же, на пароме. Они помогли братьям по разуму, сильно уменьшив степень алкогольной интоксикации, доставшуюся инициаторам разгула.

* * *

Тот самый первый в жизни Ефима круиз закончился так же весело, как и начинался. Выйдя из морвокзала в апрельскую, насквозь мокрую петроградскую погоду, доктор широко развел руки и с чувством произнес:

– Здравствуй, Родина!

И тут же был по самые уши окачен талой водой из-под колеса не пожелавшего притормаживать грузовичка. А радостно смеявшийся Ефим уже ночью, в купе поезда Санкт-Петербург – Москва, стал жертвой поездных воров, укравших у него его единственные за тридцать с лишним лет жизни фирменные джинсы «Levis»...

* * *

Ефим вздохнул, вспоминая былые деньки. Денег было меньше. Но и лет было меньше, черт возьми! А лысины не было вовсе.

Впрочем, долго расстраиваться он не любил: ведь впереди еще столько интересного!

* * *

Автобус тормознул прямо возле трапа «Океанской звезды». Швед-таможенник залопотал по-своему.

– Если что-то надо задекларировать – пожалуйста! – перевела гидиха. – Деньги за покупки «такс-фри» можно получить на судне.

Ефиму декларировать было нечего, и он поднялся на борт.

Навстречу ему, как и утром, на ходу кивнув рекламисту, быстро прошел Семен Мильштейн. Его ничего не выражавшие глаза смотрели внутрь себя.

«Уезжает, значит», – подумал Ефим, не испытывая, впрочем, никакого сожаления. Надо быть Лесной Дашей, чтобы любить этого человека. А Ефим – вовсе не Лесная Даша.

Кстати, сама вышеупомянутая дева с Мильштейном едва разминулась, пройдя чуть раньше. Шла она быстро и целеустремленно, помогая крепкой рукой своему обессилевшему спутнику: когда Кефир успел так набраться, Береславский не заметил. По лицу Никифорова блуждала слабая идиотическая улыбка, а лицо Лесной Даши выражало отчетливую досаду. Впрочем, несмотря на это, она не возражала против того, чтоб безжизненная длань Кефира возлежала на ее упругих плечах. А может, ей так легче было его тащить?

8. Третий день плавания теплохода «Океанская звезда»

Стокгольм, Швеция

День и вечер

Поднявшись на борт теплохода, Семен сразу приступил к делу. Они заперлись в роскошной – двухкомнатной – каюте Агуреева, причем за дверью, в коридоре, остался Муса, а под открытым окном – на VIP-палубе в каютах были не круглые иллюминаторы, а настоящие, опускающиеся, как в вагонах, окна – прогуливался Алеха.

– Выяснил что-нибудь? – спросил Николай. Он, конечно, знал про попытку взорвать самолет по пути в Питер, но не знал о результатах поисков злоумышленника – даже по кодирующему телефону о таких вещах они старались не разговаривать.

– Пока немного, – ответил Мильштейн. – «Глобал кэпитал», похоже, ни при чем. Чечены – тоже, хотя пластит принес чечен.

– Последнее не понял.

– Он – одиночка. Индивидуальный подряд.

– Но хоть какие-то зацепки есть?

– Зацепки всегда есть. Правда, я сомневаюсь, что по ним можно будет выйти на заказчика.

* * *

...Мильштейн говорил меньше минуты, но, чтобы узнать это, ему и его многочисленным подчиненным пришлось двое с лишним суток носиться без сна и отдыха.

Первой была встреча с Юрием Анкудиновым – высоким ухоженным блондином в отутюженной трехтысячедолларовой тройке и белоснежной рубашке с бриллиантами в запонках. Выпускник привилегированной западной бизнес-школы, он долгое время работал в Штатах, а теперь, вернувшись на Родину, стал финансовым директором компании «Глобал кэпитал».

На саморекламу «ГС» не тратила ни копейки, но все, кому надо, знали, что здесь работают большие специалисты по недружественным слияниям и поглощениям.

Иногда «ГС» работала по собственным планам, способствуя банкротству предприятий с хорошими активами, но тяжелым текущим положением. После захвата такие компании, как правило, распродавались по частям.

Иногда «ГС» трудилась под заказ, готовя почву для тихого – или не очень – свержения руководства той или иной фирмы. Разумеется, помимо денег и юридических знаний, «ГС» в полной мере использовала то, что в газетах стыдливо именуют административным ресурсом.

Короче, «ГС» был неприятным соперником «Четверки». Хотя – то ли западный стиль работы сказывался, то ли из-за того, что «ГС» никогда не тянулась за слишком уж большим пирогом, – в прежних переделах решение бизнес-вопросов с помощью стрельбы за ней никогда не отмечалось.

– Здравствуйте, Семен Евсеевич! – тепло поприветствовал Мильштейна топ-менеджер компании, искренне желавшей скушать «Четверку». – Разобрались, что у вас там приключилось?

– Разбираемся, – сухо ответил Мильштейн. – Вы – в числе подозреваемых.

– А вы не меняетесь, – вновь улыбнулся Анкудинов, но видно было, что на этот раз – с усилием. Войти в число смертельных врагов давно и надолго спятившего Мильштейна ему явно не хотелось.

– Сашка был моим другом, – объяснил Семен, – так что это – личное.

– «Глобал» здесь ни при чем, – как можно тверже заявил Юрий. – Я никогда не делал этого раньше, но сейчас готов пойти на то, чтобы раскрыть нашего заказчика: санкцию от него мы уже получили. Это солидная западная фирма с хорошей репутацией, ей скандалы с кровью ни к чему. Более того, нами получены инструкции, что, если криминал, связанный с «Четверкой», не прекратится, они выйдут из игры.

Семен Евсеевич внимательно ознакомился с представленными документами и доказательствами непричастности «ГС» к кровавому переделу. Да, похоже, Анкудинов говорит правду: мощная немецкая инвестиционная группа вряд ли пойдет на такие шаги. А может, менеджеры «ГС» за немецкие деньги готовили почву под собственные интересы?

Будто читая мысли, встревоженный Анкудинов дополнил бумаги собственными сообщениями:

– Немцы заказали устойчивую компанию среднего или выше среднего размера, не связанную с государством или бандитами. Они готовы были платить много за добротный билет в русский бизнес. Вы же видели нашу стратегию: мы не старались валить ваши предприятия, мы пытались перекупать обязательства вашим сторонним кредиторам. Если бы вы согласились на продажу или слияние, «Четверка» была бы продана по очень хорошей, чуть ли не европейской цене! Разве это похоже на криминальный захват?

Не проронивший за прошедший час ни слова Мильштейн встал:

– Вы предоставите мне копии материалов?

– Не хотелось бы, – замялся Анкудинов. – Вы же знаете, мы не обязаны даже показывать их вам.

– Как хотите, – сухо сказал Семен.

Анкудинов быстро нажал кнопку вызова и попросил мгновенно появившуюся помощницу сделать копии материалов со всей папки.

Мильштейн снова сел в кресло.

– Мы не боимся вас, – сказал Анкудинов. – Просто мы не хотим играть на чужом поле. И отвечать за то, к чему непричастны.

Потом он еще что-то убедительное говорил – о своих связях, бесстрашии и одновременном нежелании конфликтовать, – но Мильштейн видел, что этот лоцманский отечественный иностранец действительно очень боится быть втянутым в жестокий конфликт. И еще: похоже, ни немецкий заказчик, ни сам Анкудинов непричастны к смерти Болховитинова. Хотя совсем вычеркивать «ГС» из списка рано: может, в ней есть более мелкие и более отчаянные игроки, попытавшиеся чужими руками вытащить себе из огня каштаны.

Да и мягкий захват «Четверки» кем бы то ни было тоже не входил в планы начальника службы безопасности холдинга. Хотя здесь есть большая разница: на мягкий ход последует мягкий ответ.

А на кровь – только кровь.

* * *

Второй была встреча с Мусой Шамаевым, неформальным лидером крупнейшей из оставшихся в Москве чеченских ОПГ. Разумеется, он имел информацию о всех серьезных событиях, приключившихся с участием криминалитета этой этнической группы.

Лет пять назад Муса и встречаться не стал бы с Мильштейном: уж очень был тогда крут. И дело не только в действительно сильных и смелых боевиках, стоявших за ним, но

и в оптовой скупке представителей силовых структур, призванных эту самую этническую преступность контролировать. Причем скупке, продолжавшейся долгие годы.

Кроме того, за спиной Шамаева тогда присутствовала совершенно независимая Чеченская республика, где в случае чего можно было надежно спрятать кого угодно: от засветившегося боевика до дорогого – в самом прямом смысле этого слова – заложника-иностранца.

Сейчас ситуация заметно изменилась, причем совершенно не в пользу Шамаева. Нет, конечно, взяточники стройной толпой не пошли на явку с повинной. И бандиты тоже в массе своей не стали перековывать мечи на орала. Но порядка стало больше. А главное – исчезла ситуация, как будто списанная со старых летописей, когда на границе Руси была древняя половецкая степь, откуда степняки совершали свои дерзкие набеги и куда уходили от ответных – как сегодня бы сказали, антитеррористических – мер русских князей.

И еще была причина, по которой Шамаев решил предоставить Мильштейну аудиенцию: потихоньку-полегоньку в этом яростном и жестоком мире Семен Евсеевич стал той фигурой, которую уже неправильно было бы игнорировать. Неправильно, потому что – опасно.

* * *

Вот почему ровно за десять минут до назначенного времени Семен подъезжал к кафе «Минутка», современной «стекляшке», что угнездились на Кольцевой автодороге. Он знал, что Алеха и Муса прибыли на место встречи как минимум на пару часов раньше. И если бы что-то их насторожило, дали бы знать.

В кармане Семена Евсеевича лежал официально зарегистрированный «Иж-71», переделанный из «ПМ», предназначенный для чоповцев и гражданских лиц. Оснащенный ослабленным патроном, это была малополезная вещь в реальном бою. Но в городе, где если стреляют, то, как правило, в упор, его девятимиллиметровые пули могли оказаться серьезным средством для охлаждения разгоряченных мозгов.

Муса и Алеха были вооружены гораздо серьезнее, причем как бы в двух уровнях. На первом – то же так называемое гражданское оружие: «Иж-71» и гладкоствольные магазинные ружья «Сайга». С автоматикой от «калаша» и картечными зарядами это была достаточно убойная штука, если расстояния не превышали сотни метров. Тем более что ухаживали за оружием любовно: вечно заедающие магазины отполированы и отлажены, все, что должно быть смазано, было смазано, а гильзы использовались только металлические. Они были дороже бумажных, но есть вопросы, в которых слишком дорого экономить.

Второй уровень вооружения был, как бы это сказать, неофициальный. И здесь перечисление заняло бы гораздо больше места, потому что оружейный склад, коим ведал Муса, был немал и, кроме того, постоянно пополнялся всякими новомодными штучками, причем не только российского производства.

* * *

Шамаев встретил Мильштейна на пороге: высокий спокойный светловолосый мужик лет 45–50.

– Здравствуй, Семен, – с характерным акцентом поздоровался он.

– Здравствуй, – спокойно ответил Мильштейн, ростом едва достающий до плеча собеседника.

Они прошли внутрь и сели за столик. Семен легко определил в зале подчиненных Шамаева, но какого-то вооруженного конфликта не опасался: сейчас он был не нужен ни одной из сторон.

Официантка, тоже кавказская девчонка, принесла еду – мясо с овощами и легкое вино. Бокал был только один – для Мильштейна, но не потому, что Семена хотели отравить, – руководитель принимающей стороны вообще не употреблял спиртного.

Минут десять о деле не было сказано ни слова. Лишь утолив первый голод, Муса начал разговор:

– Что бы ты хотел знать, Семен?

– Кто убил Сашку Болховитинова? – не надеясь на успех, на всякий случай спросил Мильштейн.

– Ноль информации, – спокойно ответил Шамаев. – Из газеты узнал.

– Кто дал заказ Костоеву?

– Не знаю.

На этот раз Семен не удовлетворился ответом.

– Он из твоего тейпа, Муса, – вежливо, но настойчиво сказал Мильштейн.

– У нас очень большой тейп, – задумчиво отозвался Шамаев, теребя голый подбородок. «Привычка осталась с тех пор, когда бороду носил», – подумал Семен.

– Он хотел взорвать самолет, – произнес представитель «Четверки». – А в самолете тоже летел мой друг. Больше у меня друзей нет. Так что сам понимаешь...

– Понимаю, – согласился Шамаев. – Кроме твоего друга, в самолете было еще сто человек. Нам такие фейерверки ни к чему. С чеченским-то следом.

– Пока никакого следа нет, – равнодушно сказал Мильштейн. – Пока мы разбираемся сами.

– Это угроза? – осведомился Шамаев.

– Господи, – усмехнулся Семен, – нет, конечно. Это не угроза. Просто я должен убедиться, работают против нас чечены или нет.

– И если – да?

– Мы слишком маленькие воевать с вами, – улыбнулся Мильштейн. «Какая неприятная улыбка», – отметил про себя многое повидавший в этой жизни Шамаев. А вслух сказал:

– Понятно. Подключите государство?

– Оно само подключится, – перестал улыбаться Семен. – Если это единичный отморозок и если его цель – Агуреев, то это только наше частное дело. А если нет – сам понимаешь. К тому же взрывать самолеты идеологически неправильно. Все равно что дома.

– Еще неизвестно, кто взорвал дома! – оскалился Шамаев.

– Зато известно, кто хотел взорвать самолет, – спокойно сказал Мильштейн. – Твой родственник Костоев. И мне очень нужен заказчик. – Семен, перегнувшись через стол, передал Шамаеву бумажку с именами подельников, полученными от Костоева.

– Я не могу сдать чеченцев, – глухо сказал собеседник.

– Можно забыть про исполнителей, – не стал спорить Мильштейн. – Мне нужен заказчик.

– Послушай, они его сами не знают. Посредник был иностранец. Три недели назад. Третью сумму отдал авансом.

– Это сколько будет? – уточнил Семен.

– Всего – сто пятьдесят тысяч. Аванс – полтинник баксов, – быстро заговорил Шамаев, неправильно восприняв интерес Мильштейна. – Может, договоримся? В конце концов, никто, слава Аллаху, не погиб. Мы возвращаем вам «зелень», вы отдаете нам Асхата. Клянусь Аллахом, больше эти люди самолеты взрывать не будут, – пообещал он. – Я их вообще отсюда выставлю, чтоб не отсвечивали.

– А заказчик? – спросил Мильштейн.

– Его не найти! – убежденно ответил Шамаев. – Он же видел, что самолет долетел нормально. А может, сам в аэропорту контролировал.

- Может, – согласился Мильштейн.
- Ну так что – договоримся?
- Нет.
- Почему – нет? – на глазах терял терпение Шамаев (все-таки кто он, Шамаев, и кто этот недомерок напротив?). – Это не наша инициатива была. Это – отморозки. Мы с ними сами разберемся. Почему – нет? Ты мне – Асхата, я тебе – деньги.
- Нет у меня Асхата.
- А где он? – угрожающе нахмурился Шамаев.
- Умер.
- Почему умер?
- Не знаю, – равнодушно ответил Мильштейн. – Может, потому что я ему руку отпилил.
- Сволочь! – вскочил Шамаев. Одновременно вскочили еще двое, ожидая дальнейших приказаний.
- Остынь, Муса, – сказал Семен, закладывая в рот пучок свежей зелени. – Ты же на мушке!
- Шамаев и сам уже видел – благо вокруг висели дешевые зеркала, – как по его лбу заплескала красная метка лазерного целеуказателя.
- Что с моими людьми на улице? – сдавленно спросил он. – Там мой брат.
- Думаю, жив твой брат, – равнодушно ответил Семен, дожевывая лист салата. – Если только сам не напросился.
- Сволочь! – прошипел чеченец. – У тебя что – две жизни?
- Ну хватит, – проглотил наконец последний кусок Мильштейн. – Ты сколько лет в Москве уже трудишься?
- Шесть, – машинально ответил Шамаев.
- Хорошая квартира на Каляевской, хорошая жена, хорошие дочери, в музыкалку ходят, – медленно перечислял Мильштейн. – Тебе нужны перемены? Помнишь своего тезку, Мусу? Он, правда, без языка, но в таком деле язык и не нужен.
- Шамаев побелел как полотно. Минуту простоял молча. Потом спросил, с трудом сдерживая kloкочущий внутри гнев и желание убивать сейчас же, немедленно:
- Ты способен тронуть детей?
- Мильштейн тоже встал во весь свой негигантский рост и, повернув голову к рослому собеседнику, ответил вопросом на вопрос:
- А ты думал, только ты способен? Забыл Сенги-Чу?

* * *

Шамаев Сенги-Чу не забыл. Собственно, это и было главной причиной, по которой он согласился встретиться с настырным евреем.

* * *

- Хорошо, – переступил Шамаев через себя. – Эти придурки уже в бегах. Да хоть бы они и были здесь, заказчика действительно не найти. Что ты в итоге хочешь?
- Да в общем-то ничего, Муса, – спокойно сказал Мильштейн, выходя из-за стола. – Мне было важно понять, что с вашей стороны больше не будет враждебных действий. Я правильно понял, что их не будет?
- Правильно, – пытаюсь говорить спокойно, ответил Шамаев.
- Вот, собственно, и все, – сказал Семен и, поблагодарив за еду, вышел из кафе.

* * *

А еще через несколько минут он уже сидел в джипе вместе с Мусой и Алехой.

– Теряют класс родственнички-то твои, – ухмыльнулся, обращаясь к Мусе, Алеха.

– Заткнись, придурь! – грубо оборвал его Мильштейн. Но Муса все равно обиделся, отвернулся к окну.

– Не злись, – пошел на мировую Алеха. – Ты ж мой напарник и лучший друган. К тому же – тихий.

– Зато ты – помело, – подвел итог Семен. – Все. Приедем домой, собираем вещи и – в аэропорт. Паспорта, визы уже есть. Вас я оставляю с Агуреевым, сам вернусь сюда.

Муса повернулся к начальнику, как бы желая высказать свое несогласие.

– Так надо, Муса, – мягко сказал Мильштейн. – Кольку лучше вас с Алехой никто не прикроет. А у меня тут будет больше аналитическая работа. Есть определенные мыслишки.

* * *

...Мильштейн докладывал Агурееву меньше минуты, а на большее фактов не хватило.

– Ну и что мы имеем с гуся? – размышлял Николай. – Похоже, ничего.

– Ну, не совсем так, – сказал Семен. – Во-первых, ты жив.

– Да, это немаловажно, – вынужден был согласиться Агуреев.

– Во-вторых, с чеченами не воюем. В-третьих, «Глобал кэпитал» почти оправдалась.

– В общем, все классно, – засмеялся Николай. – Тогда я – в Москву. Там без Сашки дел – куча. Может, вместе и полетим?

– Не дури, – сказал Мильштейн. – В Москве тебя быстро хлопнут. Ни одна охрана не поможет.

– Почему в Москве хлопнут, а здесь нет?

– Здесь мы все контролируем, список пассажиров полностью изучен, Муса с Алехой останутся до конца круиза. А там – полная непонятка.

– Может, ты и прав, – задумался новый президент «Четверки». – Но уж больно все противно. Да еще людям круиз портим, остановки меняем.

– Никто вроде не жалуется, – усмехнулся Семен. – Им же скидки какие дали!

– Это правда. Только четверо и отказались.

– Значит, пассажиров стало меньше?

– Почему? Столько же. В тот же день все четыре путевки купили.

Мильштейн аж подскочил:

– В какой – тот же?

– В последний. – До Агуреева тоже дошел допущенный прокол. – Да ладно тебе! Уже на воду дуем! Никто ж не знал, что я еду!

– Давай сюда список, – твердо сказал Семен. – Немедленно.

– Ладно, ладно, – сказал Николай. – Сейчас принесут. Все же ты слишком нервный. Может, хоть денечка три, до следующего порта, прокатишься? Воздухом соленым подышишь.

Мильштейн ничего не ответил, углубившись в изучение мгновенно принесенной судовой роли, куда были вписаны все пассажиры и члены экипажа «Океанской звезды».

– Вот они, последние, – показал Агуреев.

– Синицын Николай Александрович, кардиолог, Синицына Вера Петровна, домохозяйка, Синицына Валентина Николаевна, учащаяся, – вслух прочитал шеф службы безопас-

ности. – Эти, похоже, в порядке. По крайней мере с семейным подрядом в таких делах мне сталкиваться не приходилось.

– А откуда ты знаешь? – подколот Агуреев. – Может, это члены секты «Аум Синрике» и их наняли для моего убийства?

Мильштейн, не отвлекаясь, смотрел на последнюю запись: Виктор Герасимович Иннокентьев, преподаватель университета, каюта № 33.

– Одноместная, – заметил Семен. – Недешевая каюта для педагога.

– Разные бывают педагоги, – благодушно ответил Агуреев. Ему уже надоела бестолковая детективщина.

– Проверь, вышел ли он в город, – сказал Мильштейн.

– Зачем?

– Если он здесь, чтобы тебя убить, он дождется, пока все уедут, сделает по-тихому свое дело и свалит в город. Раз – и след простыл.

Агуреев по внутренней связи уточнил, прошел ли паспортный контроль турист Иннокентьев. Оказалось – нет, остался по какой-то причине на борту. А автобусы уже ушли.

– Значит, не захотел турист бесплатную экскурсию, – вставая, спокойно произнес Семен. – Ну, пойду я навещу мужика.

– Я с тобой.

– Нет, конечно, – отказал президенту шеф СБ. – У нас с тобой разные задачи.

* * *

Когда в дверь каюты постучали, господин Иннокентьев заканчивал подготовку к тому, ради чего сюда и приехал. Он аккуратно и тщательно работал со своим на первый взгляд смешным оружием. Зонтик-трость с вывинчивающейся оконечной частью, по сути, был просто шприцем с длинной ручкой. При этом – шприцем-автоматом, в котором не надо было нажимать ни на какой поршень.

В стесненных условиях можно было действовать одной оконечной деталью, без громоздкого зонтика. Был возможен и третий вариант: ампулка вкладывалась в головку тонкой металлической стрелки, которой можно было, проходя мимо, слегка уколоть жертву. Или выстрелить ее из маленькой пластиковой трубки, причем без каких-либо патронов: просто выдуть воздухом, наподобие того, как это делают африканские пигмеи. Только они используют яды растительного происхождения, а здесь поработала солидная химическая лаборатория. Впрочем, результат от этого не меняется.

Господин Иннокентьев еще не решил, как он поступит. Ясно, что это будет не зонтик: ведь Агуреев не поехал на экскурсию, а остался в своей каюте. Собственно, поэтому и пришлось разряжать зонтик, еще ночью заправленный смертоносной начинкой. Скорее всего Иннокентьев метнет в свою жертву стрелку, благо окно в каюту постоянно раскрыто и его никто не охраняет. Кстати, для точности: мужчина не был ни Иннокентьевым, ни преподавателем – в двойном дне чемодана лежало еще два паспорта, и если один был тоже российский, только на другую фамилию, то второй подтверждал итальянское гражданство господина Карло Луиджи Пьянти.

Обладатель этих документов, похоже, и сам забыл свою истинную фамилию, ибо последние десять лет работал по частному найму, причем вместе с деньгами ему, как правило, передавали и новые документы. «Фирма»-работодатель была очень серьезной, настолько серьезной, что господин Иннокентьев – назовем его все же так – уже давно подумывал после очередного задания скрыться насовсем. Вот для чего у него имелся паспорт на фамилию, неведомую его щедрому постоянному заказчику.

Как говорил один из киногероев, в нашем деле главное – вовремя смыться. А господин Иннокентьев нутром чуял, что это время уже подошло. Слишком много он наработал для своего клиента, чтобы его оставили в живых. И хоть он ровным счетом ничего о своем клиенте не знает, его, конечно, рано или поздно спишут в расход. Никто не допустит в подобных делах даже малейшего риска. Скорее всего и того, кто с ним встречался, мелкого клерка «фирмы», тоже уберут. В общем, очень солидная контора.

Так что это дело – последнее. В одном надежном банке уже лежит сумма, достаточная для безбедной старости одинокого человека.

Иннокентьев улыбнулся: уже года два он собирается отработать свое последнее дело. Но на этот раз по-другому нельзя. Весь его опыт, все наработанное годами чутье говорили – хватит.

Самое главное – начинка, крошечная стеклянная ампула, которую сейчас господин Иннокентьев бережно держал в левой руке. В правой была стрелка, которая через четверть часа должна была почти безболезненно уколоть толстое тело президента холдинга «Четверка» господина Агуреева.

Впрочем, киллер не знал ровным счетом ничего ни о холдинге «Четверка», ни о господине Агурееве. Показали фото, оформили заказ. У каждого – своя работа.

Он задержал дыхание, чтобы аккуратнейшим образом вставить ампулку в специально приготовленное углубление в головке стрелки.

* * *

В этот момент как раз и раздался стук в дверь.

На миг Иннокентьев задумался. Не открывать? Глупо. Может, это горничная. Если не подать голос, она войдет в каюту, открыв дверь своим ключом. Открывать – а кто там, за дверью? Впрочем, в чем его могут уличить? Он никого не убил. В его вещах – ни пистолета, ни ножа, ни взрывчатки. Да он бы и не сунулся в самолет с такими «инструментами». Распознать же в стрелке и зонтике оружие может только большой специалист.

– Кто там? – принял решение Иннокентьев, заложив ампулку в рот. Теперь главное – не раздавить ее. И не проглотить: кто его знает, как поведет себя тончайшее стекло в желудке? Иннокентьев аж поежился, представив себе, как он ходит с бомбой в кишках.

– Алексей, стюард, – послышался приветливый голос, – Водичку вам принес. Бесплатно, – тут же добавил он, неверно расценив затянувшуюся паузу.

Иннокентьев усмехнулся:

– Сейчас открою.

Он повернул рукоятку дверного замка, а больше ничего сделать и не успел, жестко взятый двумя парами тренированных рук.

– В ч-ч-ем дело? – изображая испуг (на самом деле голова работала профессионально четко), спросил Иннокентьев.

– У нас к вам пара вопросов, – сказал третий, плюгавенький, черненький человечек, аккуратно притворяя за собой дверь.

– Это произвол, я кричать буду, – тихо, боясь проглотить ампулу, ответил киллер.

– Не надо кричать, – мягко сказал маленький. Его глаза буравили Иннокентьева, ломая волю и способность к сопротивлению.

Задержанному разрешили сесть на кровать, но рук не отпустили. Тем временем маленький быстро и аккуратно обыскивал каюту.

– Я буду жаловаться, – тихо произнес Иннокентьев. – Я приехал отдыхать. Кто вы такие? Может, вы бандиты?

– Мы не бандиты, – ответил маленький. – И даже где-то наоборот. – Он уже заканчивал осмотр чемодана. Простучав легонько днище, отставил его в сторону.

– Вот видите, – обрадовался киллер. – Ничего у меня нет.

– А по-моему, есть, – улыбнулся Мильштейн, доставая из кармана перочинный нож. Он заметил «не тот» звук, а реакция задержанного убедила его в том, что в чемодане что-то спрятано.

Через минуту документы были извлечены из тайника.

– Так-так, господин итальянец, – снова заулыбался маленький. – И зачем же вы к нам приехали?

Иннокентьев быстро продумывал версию, которая сохранила бы ему жизнь. За фальшивый паспорт не казнят, а больше у его пленителей на него ничего нет.

И тут взгляд маленького упал на металлическую стрелку. Он осторожно взял ее в руки и, сняв очки, повертел перед самым носом, тщательно рассматривая близорукими глазами. Потом покрутил зонт с отвинченным кончиком. В глазах внезапно вспыхнуло понимание:

– А ампулка где?

– К-к-кая ампулка? – Вот теперь Иннокентьева затопил страх. Раньше, лишая жизни свои многочисленные жертвы, он практически ничего не чувствовал. Но когда холодное крыло смерти задело его самого, впал в панику. – Какая ампулка? – лихорадочно повторил он. – Я не знаю, о чем вы!

– Знаешь, – даже ласково как-то сказал Мильштейн. – Все-то ты знаешь, господин Иннокентьев. И все-все мне расскажешь, хорошо? – Семен приблизил к лицу киллера свои маленькие глазки и улыбнулся ему. – Все-все расскажешь...

Иннокентьев понял, что погиб. Причем в самом худшем варианте: этот человек не просто убьет – он измучает его. Измучает жутко, потому что Иннокентьеву нечего ему рассказать – он практически ничего не знает.

И киллер решил. Сглотнув слюну, он языком направил ампулку между коренных зубов и со всхлипом раздавил ее.

– Стой, сука! – дернулся к нему Мильштейн, но было поздно. Лицо Иннокентьева оскалилось неживой улыбкой: яд парализовал лицевые мышцы. Голова бессильно свесилась вперед, из приоткрытого рта потекла тонкая струйка слюны. – Осторожней! – предупредил парней Семен. – Страшный яд!

Они положили тело на койку, залепили рот заранее припасенным скотчем. Через пять минут план эвакуации тела был разработан и в деталях доведен до подчиненных. Каюту закроют, ключ у горничной с ключной доски изымут, благо она сейчас убирает в параллельном коридоре. Ночью Алеха с Мусой перенесут тело на нижнюю, техническую, палубу: в команде есть еще трое абсолютно доверенных лиц, которые помогут провести эту операцию без ненужных свидетелей.

А после выхода в открытое море труп будет спущен в воду.

– Насыплешь ему цемента в штаны и под рубашку, перевяжешь тесьмой штанины и рукава, чтоб не высыпался, – подробно инструктировал Мусу Мильштейн. – И обязательно проткни живот и грудную клетку, чтоб не всплыл, когда его раздует, – буднично добавил он. Муса кивал, тоже не выказывая особого волнения, как будто каждый день хоронил в море криминальные трупы, подсыпая им в штаны цемент и прокалывая живот, чтоб не всплывали.

Вот и все. Злополучная каюта номер 33 закрыта, ключ изъят. Муса и Алеха пошли к своей резервной каюте: сегодня нападений на Агуреева более не ожидалось.

* * *

А Мильштейн побрел к другу-начальнику.

* * *

- Вы его убили?! – ужаснулся Агуреев. – Прямо на борту?
- Кончай истерику, – оборвал его Мильштейн. – Никто никого не убивал. Он разгрыз ампулу, которой должен был замочить тебя.
- Черт-те что! – в сердцах сказал Николай.
- И даже хуже, – мрачно подтвердил Семен.
- Ты это к чему? – подозрительно спросил Агуреев.
- К тому, что предатель – среди вас.
- Что ты лепишь, Мойша! – чуть не застонал Николай. Но упрямые факты говорили именно об этом.
- О том, что ты пойдешь в круиз, знали только Лерка и Равиль, – загибал пальцы Мильштейн. – Сами они не поехали. В самолет не сели. Лерка перед Сашкиной смертью звонила в Валенсию.
- Она Сашке и звонила! – перебил Агуреев. – Просто номером ошиблась.
- На три цифры? И две минуты разговаривала, – недоверчиво пробурчал Семен. – А одна, без Равиля, она ничего не сообразит.
- Господи, не дай Бог, чтобы ты оказался прав, Мойша, – обхватил голову руками Николай.
- А мэйл, с которого все началось? – добивал страдающего Агуреева Мильштейн. – Он пришел с Леркиного компьютера. И помнишь, что в нем было?
- Помню, – сказал Агуреев. – «Лучше продать акции, чем умереть». Ладно. Делай свое дело. Но без моего ведома ничего острого не предпринимай.
- Хорошо, – спокойно сказал Мильштейн и засобирался на выход: вот-вот должно было подойти такси.

9. Четвертый день плавания теплохода «Океанская звезда»

Открытое море

Из дневника Даши Лесной

«Здравствуй, моя зеленая тетрабочка! Пусть и не каждый день, как собиралась, но все же заполняю тебя важнейшими моментами моей, к сожалению, не столь уже короткой биографии.

Начнем со вчерашнего.

По Стокгольму прошлись неплохо, хотя с удовольствием поменяла бы общество Кефира на нашего преподавателя Береславского – с ним веселее. Особенно когда он, общаясь по сотовому с неведомым приятелем, громогласно клянется непременно пописать, причем с ударением на втором слоге. А в конце беседы советует другу быть поосторожнее в задницах. Пол-автобуса лежало, слушая его речи.

Сегодня-то он мне объяснил, о чем шел «спич»: друг его – проктолог, и они вспоминали первый свой приезд в Стокгольм, в бедный период, когда им были недоступны даже платные туалеты.

Короче, Ефим Аркадьевич несравненно лучше Кефира. Хотя и он отнюдь не мой кумир. А мой настоящий кумир по-прежнему не обращает на меня внимания, нежа – в шезлонге на верхней палубе – свое толстое пузо в белесом свете северного солнца.

* * *

Нет, иногда обращает. Когда не надо бы... Сегодня после завтрака я повела абсолютно трезвого Кефира выполнять свое главное предназначение в этом круизе. Конечно, если бы не Ванечка, видала бы я этого сердцееда в... Не скажу где, потому что – грех. Но мне так хочется хоть кого-то любить небезответно – я Ванечку имею в виду, а не Кефира, – что я была морально готова на этот неотъемлемый в процессе производства ребенка этап. И бычок, которого я вела на веревочке, был для указанной цели ничем не хуже других. Даже лучше: в море ему деться некуда, и его легче контролировать – я вовсе не хочу, чтобы мой сыночек стал жертвой «пьяного зачатия».

* * *

Вот тут-то мой кумир меня и заметил: бросил укоряющий взгляд, когда мы, направляясь к моей каюте, проходили мимо. Типа – с кем же ты, девушка, гуляешь?

Посмотрел бы на себя рядом со своей востроносой княжной!

Но настроение мне испортил окончательно: я и так не горела желанием заниматься любовью с Кефиром.

* * *

Уже в коридоре – еще дверь не открыли – Кефира обуяла страсть. Сначала я, как могла, отбивалась – одна моя рука была занята ключом. У него же, казалось, наоборот, отросли еще три-четыре наглые конечности. В итоге плюнула и перестала отбиваться: в конце концов,

я четко помнила, зачем его сюда притащила. Кроме того, умные книжки обещали в ходе процесса море наслаждения.

В каюте, закрыв ногой дверь, Кефир попытался овладеть мной одномоментно, прямо на пути от коридорчика до койки. Но я уже была в форме и пинками затолкала его в душ. Он орал оттуда, что сгорает от любви. Я же объяснила ему, что свое он получит только после помывки. Эта сцена некстати напомнила мне младший отряд пионерского лагеря: вожатые пропускали нас в столовку, лишь тщательно осмотрев и обнюхав – пахнут ли мылом? – наши ладошки.

Обнюхивать Кефира – меня аж замутило от подобной перспективы – в мои планы не входило, поэтому я решила, что мыться моему временному возлюбленному придется долго, минут семь – десять, никак не меньше: Ванечка должен быть свеженьким и чистеньким. Кстати, про Ванечку я своему любезному другу еще ничего не говорила, чтоб не пугать раньше времени. Если заартачится – напишу расписку, что претензий не имею и от алиментов заранее отказываюсь. Но, думаю, не заартачится: голова у него всегда соображала медленнее остального тела.

Кефир в моем душе, видимо, смирился и даже, под шелест струй, запел – голос у него был такой же фальшивый, как и мозги. А я, вздохнув, начала раздеваться. Сняла туфли, потом расстегнула и стащила через голову платье. Потом подошла к большому зеркалу на шкафчике и быстро сняла купальник. Осмотрела себя спереди и даже – максимально изогнув шею – сзади. На мой взгляд, все было очень достойно. Мелкой меня, конечно, не назовешь, но все, где надо, – подтянуто, и где надо, – округлено.

Я потрогала свою грудь, уж точно не нуждающуюся в силиконе, погладила гладкую кожу на животе. Посмотрела на свои – безо всякого целлюлита! – бедра. И стало мне так обидно, что хоть отказывайся от мероприятия! Прийти бы в таком виде к Агурееву. И сказать: «Любимый, я твоя. Делай со мной что хочешь!»

* * *

...А он заржет в ответ и скажет: «Дашка, по-моему, ты утром забыла одеться. А делать с тобой мне нужно план рекламы на следующий квартал». Вот что скажет этот немолодой дурак, увидев мою незащитную наготу!

* * *

За дверью душа снова завыл и застонал сексуально зависимый Кефир. Я вздохнула и решила довести задуманное до конца. Твердо подошла к двери и открыла защелку.

Кефир выскочил, как стадо испанских быков – по телику часто показывают, как перед быками-психопатами, специально выращенными для корриды, бегут психопаты-мужики, специально приехавшие сюда побегать перед рогатыми животными. Некоторые из них добегают до финиша, некоторые падают, совсем забоданные; кстати, можно так сказать – «забоданные»? – надо будет спросить у Ефима Аркадьевича.

Я не хотела быть забоданной и поэтому отошла на шаг в сторону. Кефир по инерции пролетел мимо, потом, затормозив копытами, развернулся ко мне. Его глаза широко раскрылись, и он испустил вопль восхищения. Такое я слышала лишь однажды: когда наш финансовый директор Равиль Нисаметдинов узнал из Интернета в реальном времени, что акции «Четверки» выросли более чем вдвое.

Если бы передо мной был не Кефир, наверное, мне было бы лестно. А так – хотелось только скорейшего окончания мероприятия.

Тем временем приглашенный мною маньяк выпустил вперед множество своих нахальных рук и, хватая меня одновременно мест за двадцать – тридцать, поволок к кровати. Глаза его сверкали, как ксеноновые лампочки в новом «мерсе» Агуреева...

* * *

Господи, и зачем я его только вспомнила? Я уже лежала на койке – скажем так: лицом кверху. Еще несколько минут – и Ванечка был бы со мной, маленький и давно желанный. Но в сознание влезла эта чертова агуреевская рожа, толстая и... любимая. И его почему-то укоризненные глаза.

А сам он что со своей княжной делает? В шашки играет?

* * *

Кефир, проявляя невиданную прыть, пытался делать что-то, совершенно в данной ситуации естественное, но для меня под агуреевским взглядом это было уже невозможно.

– Концерт окончен, – твердо сказала я, пытаюсь стряхнуть обезумевшего кавалера. – Извини, но я передумала.

– Ты что, динаму решила крутнуть? Не выйдет! – гордо сказал Кефир. Опыт у него и в самом деле был: я реально почувствовала, что еще миг – и ситуация разовьется по моему собственному первоначальному плану. А потому шарахнула по кефирской башке чем под руку попало.

Как выяснилось, под руку попала бутылка старого доброго «Арбатского», 0,7 литра, несколько ящиков которого прихватил на корабль запасливый Агуреев.

Привет с Родины лишил бедного Кефира всяких проявлений половой активности. Я сначала даже испугалась, но тут же успокоилась: он явно дышал, только испуганно следил за моими руками.

– Не бойся, больше не трону, – пообещала я поверженному бойфренду, быстро повторяя свои недавние действия, правда – в обратной последовательности: купальник, платье, туфли. – Извини, если что не так.

– Ты просто дура чокнутая, – на прощание сказал он, одной рукой открывая дверь, а другой – потирая быстро наливавшуюся шишку, выпирающую из-под короткой прически. – Просто психопатка!

– Есть немного, – согласилась я. Кефира было слегка жаль, но еще больше бы было жаль, если бы бутылка стояла дальше и я не смогла бы до нее дотянуться.

Поразмыслив в спокойной обстановке, я пришла к выводу, что этим нужно заниматься только по большой любви. Либо только за большие деньги. (Шутка.)

* * *

Кроме неудавшейся попытки стать женщиной, за это время еще кое-что произошло. Например, вчера вечером – ночью даже, – когда мы вышли из Стокгольма и по пути к открытому морю проходили фиорды, я наблюдала прилет валькирий.

Мы были с Ефимом Аркадьевичем на нашем любимом месте, на технической палубе, в висящей на киль-блоках – это слово мне умный Береславский сказал – большой шлюпке, даже скорее катере, откуда прекрасно было наблюдать за фонтанами брызг, поднимаемых носом нашего корабля. Вообще-то туда пассажирам нельзя, но Береславский уже перезнакомился со всей командой, и ему можно везде. А значит – и мне тоже.

Держась руками за теплые деревяшки – уже начало покачивать, – мы следили за догнавшим нас лоцманским катерком. Веселый такой катерок: в свете нашего прожектора он сверкал, как пасхальное яичко – чистенький, желтенький, с округлыми обводами, окаймленными толстой черной резиной, сберегающей его бока при бесконечных швартовках.

С Береславским у нас никаких романов нет, просто с ним интересно. И кроме того, этим вечером я выполняла роль его «крыши», прикрывая утомленного мужичка от сексуально агрессивной официантки. Она дважды показывалась на горизонте, и тогда я обнимала Ефима Аркадьевича за пухлые плечи.

Взамен он рассказывал рекламные байки про взаимоотношения с клиентами. В частности, как снимал для нас – для «Четверки» – слайды с вином: мы немного и этим занимаемся.

Я даже помню эту историю с нашей стороны: сама привозила им в студию несколько бутылок, которые надо было отснять.

– Для вас снимал тогда один из лучших фотохудожников страны, – смеялся Береславский. – Но вы не оценили.

– А что здесь смешного? – сначала не поняла я.

– Нет, ты мне скажи, чем вам не показались слайды?

– Не знаю, – слукавила я. – Они были классные. (Вообще-то их загнобил мой любимый Агуреев. В силу рабоче-крестьянского происхождения он не смог оценить игры смежных пастельных полутонов действительно классно выставленного света. Моя любовь, покрутив в толстых пальцах слайды, сказала, что «в них мало огонька». Но мне не хотелось выставлять его перед Береславским в таком свете. Вот завоюю его – и образую по полной программе, по крайней мере в объеме законченной мной детской художественной школы.)

– Вот и я говорю – классные, – подтвердил мой собеседник. – Один из них потом в учебник вошел. По фото. Поэтому я очень разозлился. И месть моя была страшной.

– Какой же? – Честно говоря, конец той истории проскочил мимо моего внимания.

– Я поставил бутылки на мой рабочий стол, взял у жены дешевую китайскую «мыльницу» и в лоб щелкнул. С чудовищными, как ты понимаешь, бликами. И соответствующей цветопередачей. И знаешь, что сказал ваш босс?

– Догадываюсь, – пробормотала я, припоминая, что на рекламных календариках и впрямь виднелась поверхность какого-то письменного стола.

– Он сказал: «Умеете ведь, когда хотите!» И дал нам бонус, двадцать процентов от цены.

* * *

И впрямь смешная история. Хотя рекламисты – в натуре гады: на наши деньги работают и над нами же потом смеются! Ефим Аркадьевич Береславский – еще не из худших рекламных гадов, веселый и не слишком жадный. И потом, он симпатизирует Агурееву, что также нас сближает. Коля, кстати, тоже говорит про Береславского только хорошее. А здесь, на корабле, они вообще скорешились.

– Так что образывай своего босса, Дашенька, – словно услышав мои мысли, подытожил Ефим. – Бери процесс в свои руки.

* * *

И тут случился конфуз. Я приняла сказанное слишком близко к сердцу и разревелась. Дальше – хуже: доложила языкастому рекламисту про свою безответную любовь. Даже про свое сидение в девках сказала, так вдруг захотелось хоть кому-нибудь излить душу.

– Ох как все запущено! – своеобразно пожалел меня Береславский. И дал рецепт выхода из неприятного положения. Проверенный, как он сказал, временем. – Ты либо его соблазни, либо инвертируй ситуацию.

– Как это? – С первым было понятно, хотя и почти безнадежно, а вот с инвертированием ситуации я сразу не разобралась.

– Слышала про переход количества в качество?

– Ну, – неопределенно ответила Даша Лесная. То есть я.

– Если моя любовь к какой-то девушке была безответной, – объяснил он, – меня утешала любовь десяти других.

И тут же спохватился:

– Только, боюсь, для порядочной девушки это не вполне пригодный метод.

– Не вполне, – согласилась я. Но именно в тот момент – разговор был вчера вечером – окончательно решила провести – может, и в самом деле поможет? – свою сегодняшнюю утреннюю акцию с Кефиром. Как выяснилось, не помогло...

* * *

Тем временем наш пароход почти вышел из фиордов и волны стали весьма ощутимыми. Даже корабль на них пританцовывал, что уж говорить про вышеупомянутый лоцманский катерок? А между тем лоцман, сделав свое дело, должен был вот-вот нас покинуть.

– Как же он перелезет на такой качке? – усомнилась я.

– Это еще не качка, – успокоил Береславский. – Вот когда ужин наружу запросится – это будет качка.

И действительно, лоцман – здоровый мужик лет тридцати пяти – ловко спрыгнул с последней ступеньки трапа прямо на ходящую ходуном палубу катерка. Но операция пересадки на этом не закончилась: на катере стояла еще одна фигура, явно желающая поймать момент, когда катерок поднимется, а трап – опустится, чтобы перескочить на наш корабль.

– Может, кто из наших туристов отстал? – предположил Ефим.

Но я уже знала, что это не отставший турист. Прожекторный луч скользнул по стройной фигурке и вспыхнул пламенем на копне рыжих волос, открытой соскочившим капюшоном.

– Вот гадина, – подумала я. – Даже сюда прилетела.

Оказалось – не подумала, а сказала.

– Почему – гадина? – не понял мой собеседник. – И почему – прилетела? Она же на катере!

– Потому что ведьмы должны летать, а не плавать, – объяснила я. – Это Ева, жена Агуреева. Как я ее ненавижу, прости меня, Господи!

Точеная фигурка выбрала удачный момент и, подстрахованная матросом с катера, схватилась за леера трапа. Все. Через три минуты она будет на борту. А еще через пару часов – в каюте с Агуреевым. Даже представить тошно, чем они там станут заниматься.

– И ведь не сделаешь ничего! – снова вслух высказалась я.

– Может, трап подпилить? – предложил добрый рекламист. – Или кока-колой упоить. Насмерть.

– Да ну вас, – не обижаясь, сказала я. Конечно, Береславский моих мук не поймет, но все равно с ним легче. – Давайте после ужина еще часок здесь посидим?

– С удовольствием, – согласился он.

* * *

А о том ужине и писать неохота. Агуреев устроил мне настоящую пытку, приказав объединить всю нашу компашку и его охранников за одним столом: Береславский, Ева, Алеха с Мусой, я и сам Николай.

Ева пришла последней, когда мы уже сидели. Да, вошла эффектно: все сразу на нее уставились. Фигурка – как у фотомодели, только что не каланча. Одежка – ярко-красная с черным декором – соответственная: все облегается и подчеркивается. То, что я сегодня утром, предварительно раздевшись, наблюдала в зеркале, здесь можно было читать через ткань.

Снизу – дорогие тончайшие черные чулки и очень-очень дорогие черно-красные туфли. Сверху – фирменный рыжий костер.

Бедный рекламист чуть глаза не просмотрел, облизываясь. Влюбил бы в себя эту дуру! Да нет, что я говорю: она на такого не клюнет – не миллионер, как Агуреев, не общественный деятель, как ее предпоследний муж. И даже не чемпион мира по какой-то борьбе, как первый ее избранник. Сам же Агуреев про это и рассказал. Вот ведь дурень: неужели не ясно, что эта курица подбирает себе мужей не по великой любви?

Ева представилась и грациозно – ничего не скажешь, я бы так не смогла – села на свое место.

– У нас был форум в Тромсе, – сказала она. – Потом помчалась в Осло, но вас там не обнаружила.

– Перенесли место стоянки, – сказал Агуреев. – Мы и в Хельсинки не заходили. Тебе же и звонили, и мэйл послали.

– Мой сотовый накрылся, а почту я долго не проверяла. Да и не ожидала, что не встречу вас в Норвегии. Когда узнала – махнула в Стокгольм. А вы уже уплыли. Пришлось догонять.

– Надо же – морское рандеву! – восторгался рекламист, с восхищением пялясь на безупречную и надлежащим образом открытую грудь Евы. – Как вам удалось их уговорить? Ведь почти шторм!

* * *

Вот же предатель! У-сю-сю! Неужели он не видит, что эта грудь изваяна не папой с мамой – как, например, у меня, – а хирургическим скальпелем и продукцией химзавода!

* * *

– У нас хорошие отношения с их профсоюзом, – улыбнувшись, спокойно ответила Ева.

– С кем? – удивился Береславский, наверное, не знавший, что у чертей есть свой профсоюз.

– С профсоюзом лощманов, – объяснила та. – Они поддерживают наши экологические акции. Так что я многих из них знаю.

– Она у меня – политический деятель, – влез в беседу Агуреев и обнял своей толстой лапой – меня чуть не вывернуло! – ее точеные – дорогими массажистами – плечики.

– Ну, это не совсем так, – заскромничала Ева.

– И хорошо, – влез рекламист, до этого активно поглощавший бутерброд с черной икрой. Он уже успел с Агуреевым как следует поддаться и сейчас предусмотрительно закусывал. – А то я терпеть не могу политиков.

– Здесь мы с вами сходимся, – нежно улыбнулась та. – Мы, антиглобалисты, тоже их не любим.

– Терпеть не могу антиглобалистов, – радостно сообщил Береславский, у которого, видно, ввиду объема выпитого уже наступил час правды. – Такие же жулики, только более скрытные.

Евино личико скривилось, как лимона попробовала. Так ее, Ефим Аркадьич! Наш человек!

– Если не бороться с глобализмом, то скоро вы будете жить в одной большой общей тюрьме, разве что без решеток. Так что без маленькой революции здесь не обойтись.

– После революции мы точно будем в одной большой тюрьме, – подумав, сказал Береславский. – Причем с решетками. Опыт имеется. И кстати, маленьких революций не бывает.

– Нельзя все отрицать с ходу! – завелась Ева. – Вон вы Кастро чуть не фашистом изображаете.

– Я Кастро не изображаю, – обиделся рекламист. – Он меня не вдохновляет. (Правду сказал. Его больше официантки вдохновляют.)

– А между тем у них там минимальная детская смертность! И детей неграмотных нет. И беспризорных. Не то что в нашей свободной России, где на любом вокзале можно снять малолетнюю проститутку! – Ева завелась всерьез. Но и Береславский не собирался сдаваться.

– Я не против призрения слабых и немощных, – объяснил он. – Я против практики затаскивания жесткой рукой куда угодно – даже в счастье. А ваш Кастро – типичный карманный диктатор, чья карманная империя лопнет сразу после его смерти.

– Диктатура может быть разумной, – стояла на своем девушка.

– Зато она не может быть исторически долгой, – сказал Ефим. – Диктатура – это снижение энтропии, а энтропия, как известно, всегда стремится к росту. А значит – к свободе.

Ева не знала, что такое «энтропия». Даже лобик свой узкий сморщила.

– Значит, вам нравится, что кучка людей диктует всему миру? Что кто-то имеет яхты и особняки по всему свету, а кто-то умирает с голоду? Ведь вся Африка голодает! На форуме показывали фильм – смотреть страшно, – сердито сказала она. (Меня больше всего удивляет, что она действительно ко всему этому серьезно относится. Ей бы лет сто назад родиться!)

– Голодные дети меня тоже не радуют, – серьезно ответил Береславский. – Но попытка все поделить поровну – бесперспективна. Уже проходили. И кстати, не уверен, что вам этот средний уровень покажется приемлемым, – улыбнулся он, глядя на ее пальчики. Я поняла, что ушлый рекламист и в ценах на бриллианты тоже разбирается.

Ева вспыхнула:

– Я должна выглядеть так, чтобы меня слушали не только мои единомышленники!

– И слава Богу, – одобрил Ефим. – А то как представлю вас в телогрейке и валенках... А ведь так пол-Монголии ходит.

Я уже, втайне радуясь, ожидала взрыва, но Ева неожиданно расхохоталась:

– Да уж, честно говоря, я привыкла к хорошему.

– Ладно тебе, Ефим! – засмеялся и Агуреев. – Пусть девушка себя реализует! Княжна все-таки!

– Ну, если княжна, тогда ладно, – разрешил уже порядком осоловевший рекламист. – Хотя Ленин тоже был из приличной семьи. – И, высказав свое мнение по политическим вопросам, нетвердой походкой направился к выходу.

– Дашка, посмотри за ним, – попросил меня Агуреев, – а то как бы за борт не выпал.

Сказал – и снова обнял свою Еву. Я воспользовалась моментом и выскользнула из-за стола: любоваться на эту парочку было выше моих сил.

* * *

Ефима Аркадьевича я нашла там же, где и до ужина – в шлюпке. Мы с ним еще немного поговорили и сошлись на том, что я куда лучше, чем Ева. А потом просто стояли в густой темноте, слушая шум ветра и волн. Вдали проплывали огонечки других судов и гигантские освещенные обводы плавучих буровых. Мне даже стало как-то спокойнее...

* * *

А потом я увидела Мусу. Я с ним не очень дружу. Не потому, что он немой, а потому, что я его побаиваюсь. Ходят слухи, что язык ему отрезали его соплеменники. И он всегда один как сыч. Даже Агурееву, своему боссу, не улыбается. Только с дядей Семеном мягчеет. В общем, с ним я контактировать не хотела и на шею ему бросаться не стала.

Он прошел совсем рядом с нами, но нас не увидел. Это и понятно: никто не смотрит туда, где по определению никого не может быть. Прошел туда и обратно.

Потом вернулся, но уже с Алехой. Они, пыхтя, тащили ящик с каким-то тяжелым оборудованием. Все же работка у них не сахар. Время – спать, тем более после такого плотного ужина. Ребята прошли к корме, таща свою поклажу. Мне еще мысль пришла – почему им никто не помогает? Но буквально через минуту к ним спустился сверху третий, морячок.

Я уже их не видела, но слышала звук, похожий на открывание каких-то засовов.

А потом – всплеск.

Через пару минут они снова прошли мимо нас. В том же порядке: Муса с Алехой, а следом – морячок. Неужели они что-то скинули за борт? О Господи, мы контрабандисты? Или шпионы? Хотя скорее всего это была коробка от какого-нибудь сногшибательного аудиокомбайна, припасенного Агуреевым для своей любимой ведьмы.

– Ефим Аркадьевич, что это было? – спросила я Береславского.

– Я думаю, ничего не было, – спокойно и абсолютно трезвым голосом ответил он. – Да и ты так думаешь.

Ну правильно. Ворон ворону глаз не выклюет. Я решила, что рекламист достаточно трезв, чтобы не выпасть в море, и, попрощавшись, пошла спать.

Ну а утром была уже описанная мной батально-сексуальная сцена с Кефиром.

Ладно. Кончаю писать. Как говорит Береславский, все будет хорошо, если только не пытаться все время делать еще лучше. С Кефиром я как раз пыталась что-то срочно исправить. Больше не буду...»

10. Одиннадцать лет два месяца и шесть дней до отхода теплохода «Океанская звезда»

Измайлово, Москва

Последним с войны вернулся капитан Агуреев.

Да и не с войны даже: после всех острых событий в прямых боестолкновениях артиллеристу-зенитчику Агурееву участвовать уже не пришлось. Он в достаточно спокойном режиме дослужил в охране одной из авиабаз. Ушел из Афгана с последними российскими подразделениями, лично махал ручкой в многочисленные телекамеры, поджидавшие войска уже на том – нашем – берегу известной всем «афганцам» «речки».

За «речкой», как ни странно, напряжение не спадало: его глушили водкой и гашишем, а также девочками и драками. Поэтому капитану Агурееву приходилось работать с личным составом даже больше, чем в Афганистане. Тем более что многие его – и не только его – бойцы вывезли с собой кучу неучтенного оружия и боеприпасов. А также неуголимое желание их использовать.

Американцы столкнулись с подобным сразу после Вьетнама, назвав все многочисленные симптомы единой аббревиатурой – ПСС, постстрессовый синдром. Оно и понятно: если после Отечественной войны солдат возвращался в страну, этой войной жившую, то после Афгана и последующих локальных конфликтов бойцы приезжали с фронта как на чужую планету. Встречало же их – полное равнодушие. Иногда смешанное с презрением. Потому что когда эти придурки в форме корячились на никому не интересной войне, другие – более умные – интегрировались в новое нарождающееся сообщество. И именно они теперь катаются на «мерседесах», которых в Москве с одной точки можно увидеть больше, чем в афганском гарнизоне – боевых машин пехоты.

Да Бог с ним, не нужен был капитану Агурееву «мерседес»! Но лопалось все, заложенное еще покойным отцом – не выдержало-таки надорванное ишачьей работой сердце бати. Где пресловутое спокойное будущее российского офицера?

Мечтой каждого второго было осесть после пенсии в Прибалтике, российской Европе, и жить себе красиво и комфортно, в почти буржуйских условиях. И что теперь? Гонят оттуда всех, даже тех, кто двадцать – тридцать лет прожил на этой земле. Да что там – родившимся на ней не дают гражданства!

Как ни странно, бешеной злобы к прибалтам офицер Агуреев не испытывал. Правильно батя говорил – не тяни руку к чужому пирогу. Они, конечно, гады и очень зря унижают русских – годы-то идут, не все время Россия будет слабой, а главное – растерянной. Но это их земля, и если они делают какую-то хрень, то делают ее на своей земле.

Да ладно о пенсионерах! А что делать ему – боевому офицеру? На хорошем счету, между прочим. Его счетверенные «шилки» хоть сейчас пускай в бой. Да вот старые солдаты уйдут, а новые – только из рогатки умеют: бензина для транспорта – нет, снарядов для боевых стрельб – нет. Тут сам недавно в госпиталь попал – огромный фурункул на шее: многих «афганцев» еще долго после выхода мучил фурункулез, – так сказали, что вскрыть вскроют, а ампициллин пусть свой принесет. Слава Богу, бинты пока есть. В гражданских больницах и бинты с одеколоном с собой носят.

Ну и что делать дальше?

* * *

В смятении Агуреев пришел тогда к Равильке. А тот, как всегда, веселый и ушлый. Разговаривая, быстро машет руками и гримасничает смуглым выразительным лицом. Все как раньше. Но уже директор продуктового магазинчика. Неплохо для времени, когда на витринах в лучшем случае – килька в томатном соусе. А в худшем – ничего.

Но и это не все. В магазине у Равильки есть еще одна немаловажная особенность: наличие винного отдела. Оттого Вилька почти, по агуреевским меркам, миллионер, разве что без «мерседеса». Деньги-то есть, сам сказал, но пока – побаивается.

Третьим же на дружеской встрече был – Сашка! Уже сидел за столиком, костыли – в уголке. Агуреев так обрадовался, что сжал друга крепче, чем следовало: тот аж сморщился.

– Полегче, Огурец! – заорал Вилька. – Блоха только вторую неделю сам костыляет!

Николай смущенно разжал объятия. Встретились они в кафе «Эврика», что стояло тогда на углу 9-й Парковой и Измайловского бульвара. Пригласил, конечно, Вилька. Предупреждая протесты, сразу заявил, что платит только он. Агуреев сначала разозлился, а потом решил, что это справедливо: в Афгане у него своего продуктового магазина не было. Кроме того, он не знал нынешних ресторанных цен и сомневался, хватит ли ему для расчета оставшейся половины капитанской зарплаты.

– Ну что, снова вместе? – радостно спросил Вилька. Ему чертовски нравилось его нынешнее положение: Нисаметдинов явно повысил свой «социальный статус» в этой компании.

– Вроде как, – неопределенно ответил Агуреев. Впервые за многие годы ему было неудобно за свою старую, пропыленную и многократно стиранную полевую форму: выдачу новой снова задержали. В казарме она еще не казалась непригодной, а здесь, в ресторане, капитан явно чувствовал себя не в своей тарелке. Особенно когда заиграла музыка и молодые девчонки пошли к маленькой эстраде, танцевать.

Блоха держался в кабаке спокойно, хотя Николай знал, что за Сашкиной спиной осталось три с лишним года госпиталей и более десяти операций – дорого ему дался тот последний бой. А не подоспей «шилки» Огурца – там бы и остался лежать, на выжженных желтых камнях низинки, в которой его разведзвод так ловко зажали «духи».

«Молодец все-таки Вилька», – тепло подумал Агуреев о друге. Он знал, что и лекарства, и лучшие доктора, и даже перевод в московский ЦИТО – Центральный институт травматологии и ортопедии – все это дело рук, а точнее, кошелька, Равиля Нисаметдинова. Зарплаты Сашкиной мамы на эти мероприятия никак бы не хватило, даже если бы она вовсе отказалась от еды, а на работу ходила в бабушкином халате.

– Итак, господа (Николай вздрогнул: он еще не привык к подобному обращению), – начал Равиль, – приступим ко второму этапу наших совместных действий.

– Какие у нас могут быть совместные действия? – заулыбался Николай. – Разве что раздолбать из «шилки» твоего конкурента?

– Неплохая идея, – отметил Вилька. – Но конкурента всегда лучше просто купить. И шуму меньше, и риска никакого. Короче. Я хочу, чтобы вы работали у меня в продуктивном. Вошли, так сказать, в бизнес.

– Я вообще-то служу, – усмехнулся Агуреев. – А Санек, может, и войдет. Но – очень медленно.

Блоха показал Агурееву кулак и улыбнулся. Сидя напротив, он потягивал через соломинку принесенный официантом аперитив. Был, как всегда, спокоен, только чересчур бледный.

– Невелика проблема. Погоны – не кожа, можно и срезать, – объяснил Нисаметдинов. У Агуреева неприятно защемило сердце: для него, повоевавшего, погоны не были просто клочком ткани с картонкой.

– Вилька, – спокойно, без какой-либо аффектации, произнес Болховитинов, – следи за речью. А то получишь костылем.

– А чего я такого сказал? – ушел в защиту Равиль. – Если армия своих офицеров не то что не ценит, а даже не кормит, зачем ей служить? И мы же с тобой говорили раньше. Я хочу палатки ставить у магазина, вы мне нужны. Оба. За один день заработаете больше, чем за месяц. Ты что, на пенсию собираешься жить? – Нисаметдинов даже обиделся: разве он не хочет сделать своих друзей обеспеченными?

– Вильчик, не обижайся, – мягко сказал Болховитинов, отставив в сторону почти не тронутое питье. – Ты молодец, и я не забыл, с чьей помощью встал на ноги.

Нисаметдинов скромно потупил взор:

– Да ладно! Можно подумать, ты бы мне не помог.

– Ну, реверансы закончены, – улыбнулся Александр. – Теперь к делу. Огурец, из армии тебе и в самом деле лучше уйти.

– Я думал об этом, – признался Николай. – Но страшно! Я же все разом потеряю!

– Сейчас такое время, – сказал Блоха, – что не нужно бояться терять. Сейчас время смелых, понимаешь?

– Ну, уйду. И что делать? Вилькины палатки сторожить?

– Не будет никаких палаток, – спокойно произнес Болховитинов.

– Как это – не будет? – возмутился Равиль. – С чего ты взял?

– Мы не будем ставить палатки, – мягко, как ребенку, повторил Блоха. – Это мелочь, копейки. На это не стоит тратить время, которое уже не повторится.

– А ты что предлагаешь? – взъерошился Равиль. – Пароход купить?

– В точку, – улыбнулся Александр. – Но это – позже. Гораздо позже. А сейчас мы должны заняться кредитно-финансовым бизнесом.

– А это что такое? – спросил Огурец. – Посадят же! – Из финансистов он знал только начпрод их полка, и тот уже дважды был под следствием.

– Ты всерьез хочешь открыть банк? – спросил ошарашенный Равиль.

– И брокерскую контору, – добавил Болховитинов. – Сейчас время посредников. Капитал набатывается быстро, и он должен крутиться в собственном банке. А дальше будем лезть в производство. Два года – на начальное строительство, еще три – базовый холдинг. И следующие пять – эпоха расцвета. Вот тогда и корабль купим. Назовем его «Океанская звезда».

– Ты спятил? – спросил некоторое время молчавший Равиль. – Ты хоть представляешь, что такое – банк? И какие это деньги? И где ты их возьмешь?

– Отвечаю по порядку, – улыбнулся Блоха. – Первое. Знаю ли я, что такое банк? Да, знаю. Я три года, думаешь, просто так лежал? Мне надо было чем-то отвлечься, и я читал умные книжки. Так что в практической банковской деятельности для меня тайн нет. Равно как и в российском законодательстве, касающемся этой тематики.

Второе. Какие это деньги? Для Огурца – очень-очень большие. Он столько в жизни не видел. Для тебя – просто большие. Видел, наверное, но не имел. А вот для исторического момента – мизерные, понимаешь? Ни в одной стране мира нельзя войти в банковский бизнес с такими мизерными деньгами, как в России. Кроме того, во всем мире банки могут заниматься только банковской работой. А у нас можно делать почти все, что хочешь, если не зарываться.

И наконец, третье. Где эти исторически малые деньги взять? Ответ: у Равиля Нисаметдинова.

– Ты точно спятил! – возмутился Вилька. – Что я, голым должен остаться?

– Ты – в тупике, Вилька. Ты так и остался с советским мышлением. Все твои доходы строятся на дефиците. Ты ведь даже не хозяин своего магазина, ты – наемный работник. Сейчас, конечно, – царь и бог, в масштабах продуктового. Но пройдет совсем немного времени, и с дефицитом будет покончено. Наоборот, будет избыток предложения. А в хозяева тебя никто не пустит, ты сам рассказывал, какие там у вас наверху сидят ребята... Вот поэтому мы с тобой будем делать банк.

* * *

И – Вилька сник! Сначала даже расстроился: что за черт, считаешь себя почти буржуем, все устраиваешь, всем помогаешь, а потом госпитальный страдалец Блоха открывает свой рот, и оказывается, что ты, в исторической перспективе, – никто. А с другой стороны, на душе полегчало. Получалось как в детстве. Командует, конечно, Блоха, но, во-первых, он не обманет и не подставит, а во-вторых, у него всегда все получается.

– Тоже мне, Илья Муромец, – для порядка поворчал Равиль. – Но ведь не хватит денег-то! Даже если бы я все отдал! А все не отдам – вы же знаете, сколько у меня родичей!

– Никто у тебя все и не забирает, – успокоил его Болховитинов. – Деньги нужны только на открытие брокерской конторы и офис. Дальше пойдет цепная реакция.

– А банк? – спросил Агуреев. Капитана почему-то ужасно радовало это слово. Надо же – банкир-артиллерист! Или лучше – артиллерист-банкир? – Ты чего, Блоха, раздумал насчет банка?

– Нет, конечно, – ответил тот. – Это уже мои дела.

Он объяснил друзьям, что имеет на примете несколько кредитно-финансовых учреждений, по разным причинам существующих практически только на бумаге. Он проверит их – каналы имеются – и постарается договориться о покупке контрольного пакета акций. Конечно, устойчивый прибыльный банк им не купить. Но если анализ покажет, что финансовое обременение устранимо, то почему бы и нет?

А связи у Блохи, как выяснилось, были что надо: в ЦИТО раненые бойцы попадали редко. Гораздо чаще – покалеченные или подстреленные «новые русские». А палатные вечера у скованных гипсом людей долгие...

* * *

Ознаменовать открытие нового предприятия друзья решили прогулкой на пароходике. Блоха к пристани тащился медленно, но помогать себе не позволял. Доехали до бухты Радости, разлеглись на уже пожухлой травке, открыли «белоголовую».

– За успех нашего безнадёжного предприятия! – предложил Блоха.

– Вот именно – безнадёжного, – проворчал Равилька, но бумажный стаканчик поднял. Огурцу стаканчиков не хватило, и он отхлебнул изрядный глоток прямо из горлышка.

Водка приятно легла на ранее принятое, и капитана слегка развезло. Он лег на спину, закрыл лицо фуражкой, чтоб солнышко не слепило, и с чувством произнес:

– Эх, хорошо быть миллионером!

Все дружно заржали.

– Стоп, парни! – вдруг серьезно сказал Блоха. – Еще несколько протокольных вопросов.

– Ты чего это по-ментовски залепил? – не понял сначала Агуреев.

– Сейчас поймешь, – не стал вдаваться в детали Болховитинов. – Давайте договоримся: если с кем-то из нас что-то происходит, акции на сторону не улетают. Делятся только среди

оставшихся. Родственникам – компенсация. Причем такая, чтоб не стыдно было потом приходить к другу на могилу.

– Ну, ты все испортил!.. – аж застонал разомлевший капитан. – Какая, на хрен, могила? Тебя ж вылечили!

– Это важный вопрос, и я хочу, чтобы он был решен, – жестко сказал Блоха. – Пока мы живы, наше предприятие должно оставаться только нашим.

– О'кей, – по-американски согласился капитан. Вопрос о смерти после возвращения из Афгана отодвинулся в такой далекий отдел сознания, что почти вовсе не занимал его.

– Хорошо, – согласился и Равиль. – Если что-то случится, то родичей не оставим. Но лучше, чтоб не случилось, – добавил он и суеверно сплюнул через левое плечо.

– Дальше. Распределение обязанностей, – и в самом деле как на собрании завел Блоха. – Мои: идеи, юристы, клиенты, милиция.

– У меня в ОБХСС тоже связи, – похвастал Равиль.

– Объединим, – принял Болховитинов и продолжил: – Равилька, ты займешься финансами. «Плешку» кончил, деньги считать умеешь.

– Хорошо, – кивнул Равиль.

– И твои, Огурец. Физическая защита, – загибал пальцы Блоха, – транспорт, хозяйство, кадры, общее администрирование.

– Ага, – кивнул капитан, дохлебывая из бутылки последнее. – Ребят, вечереет! Может, уже поедем, еще купим? – Он даже привстал, так вдруг захотелось служивому продолжения банкета.

– Сейчас поедем. У нас осталось только два вопроса.

– Валяй, – благодушно разрешил Огурец и снова залег в траву.

– Я хочу, чтобы нашим бухгалтером был Мойша, – сказал Болховитинов.

– А ты его видел после Афгана? – оживился капитан.

– Он ко мне постоянно ходил, – сказал Блоха. – Но дело не в том. Мойша – хороший бухгалтер. Уже второй институт оканчивает. Параллельно. И отец его тоже бухгалтер, в случае чего – налоговая когда придет – выкрутятся.

– Я не против Мойши! – заржал Огурец. – А в случае чего он налоговому инспектору печень вырежет!

– Кончай. – Блоха сказал тихо, но капитан аж подавился смехом. Ничего не понимающий Равиль смотрел то на одного, то на другого.

– Ладно, ладно, – быстро сказал Агуреев. – Я действительно не против! А почему ему не дать акций?

– Я предлагал, он категорически отказался. А бухгалтером – согласен.

Равиль при этих словах облегченно вздохнул: ему уже не хотелось делиться таким замечательным банком с новыми акционерами, тем более – совершенно незнакомыми.

– Но одного миноритарного акционера я все-таки хочу ввести, – сказал Болховитинов...

– Это еще что такое? – спросил уставший от умственного напряжения Огурец.

– Семь процентов. Из моей доли, – добавил Блоха, заметив гримасу на лице Равиля. – Это мои личные дела. Я имею в виду Лерку Сергееву.

– Тогда это и мои личные дела! – заржал Агуреев. – И Мойши. И еще половины гарнизона! Режь из моей доли тоже.

– Она вместе с моей мамой ухаживала за мной все три года, – тихо сказал Блоха.

– Извини, – перестал смеяться капитан. – Но из твоей доли – это как-то не по-людски. Делаем так: у нас троих – по тридцати одному проценту, у Лерки – остальные. Как раз – семь.

– Ладно. А Равильке взамен чего-нибудь заплатим, – закончил, тяжело поднимаясь, Блоха. – Скажем, его начальные деньги вернем втрое.

– Вы хоть раз их верните, – пробурчал Нисаметдинов. Но – беззлобно: его тоже увлекла идея серьезного предприятия. Да еще с ребятами, которые давно стали родными.

* * *

Парни встали и медленно пошли к речному причалу, около которого томила с уже включенным двигателем последняя в этот день «Ракета». А на горизонте отечественной экономики замаячила будущая финансово-промышленная группа «Четверка».

11. Восьмой день плавания теплохода «Океанская звезда»

Открытое море

Утро

Береславский возлежал на почти царском троне, любовно устроенном им самим из небольших деревянных ящиков, пенопластовых блоков и парусиновых чехлов. Ефим никогда не отличался склонностью к работе собственными руками, больше старался организовать народ, но здесь, на судне, организовывать было некого. Разве что сексуально активную официантку, однако он уже давно от нее прятался. Поэтому, как ни лень было что-то носить и складывать, устроил эту обитель рекламист полностью самостоятельно. И она того стоила: среди его любимых и укромных мест корабельного обитания это было самым любимым и укромным.

Находилось оно – как и большинство остальных облюбованных им гнезд – в запретной для пассажиров зоне: в данном случае – на баке судна, то бишь на самом его носу. За спиной Ефима возвышалась на синем крашеном основании большая белая лебедка. Действительно большая – с ее помощью на стоянке в Амстердаме матросы погрузили дополнительный холодильник-рефрижератор, который должен был полностью обеспечить сохранность судового провианта в предстоящих – почти тропических – плаваниях второй половины круиза. Вот эта лебедка-кран почти и скрывала Береславского от любых нескромных взглядов.

Правда, ничем тайным в своем прибежище отдыхающий рекламист не занимался: в первый час отщелкал катушку «Фуджи» – ему нравились очень сочные и веселые тона на слайдах, пусть даже не с абсолютно точной цветопередачей, – запечатлевая веселые белые брызги, взлетающие вверх каждый раз, когда нос «Океанской звезды» въезжал в очередную волну. А волны здесь были уже серьезные – чувствовалось дыхание большой Атлантики. Не то что были на Балтике или будут в Средиземном море, куда им еще предстоит попасть после того, как теплоход обогнет Португалию. И даже цвет моря был совсем иным – темно-зеленым, без какой-либо веселенькой синевы. Пощелкав в свое удовольствие – и заодно выполнив Дашину просьбу: она нуждалась в рекламных материалах о круизе, – Ефим аккуратно отсоединил от камеры тяжеленный и здоровенный объектив. Эта родная кэноновская штука была идеальным инструментом для таких ленивых людей, как Береславский: она позволяла, не меняя объективы, изменять фокус съемки от 35 до 350 миллиметров! То есть давала возможность запечатлеть действительность то с широким углом обзора – даже с большим, чем у человеческого глаза, – то с приближением, сравнимым с хорошим биноклем. Правда, и стоила соответственно: его жена Наталья, узнав цену, только печально улыбнулась – этого бы хватило на приличный ювелирный гарнитур с не самыми маленькими бриллиантами. Но – у каждого свои игрушки. Он уложил в кофр фотокамеру и объектив, после чего тщательно застегнул две «молнии» и закрыл все шесть замочков кофра. Теперь, даже если корабль утонет, будущие исследователи смогут поднять его оборудование в целости и сохранности.

– Тьфу-тьфу-тьфу! – вслух сказал суеверный рекламист. – Придет же такое в голову!

Он снова расслабился и откинулся на спинку своего импровизированного кресла. Как же ему здесь нравилось! Нравилось все. Теплоход был старенький и небольшой – всего пять тысяч тонн водоизмещения. Однажды, рядом с Англией, они встретили пассажирский лайнер, минимум раз в десять больший: их суденышко казалось шлюпкой рядом с белоснежным двенадцатипалубным (!) исполином. Но Ефим не стал бы меняться: какой смысл – из города на земле в город на воде? А здесь он был гораздо ближе к природе. И при этом –

в окружении привычного и любимого им комфорта. Да и на экскурсиях никакого гвалта и крика: все пассажиры «Океанской звезды» легко умещались в три туристических автобуса. С офицерами Береславский перезнакомился сразу. Со стармехом – по-корабельному «дедом» – успел даже бутылочку раздавить под три партии в шахматы. Первую и вторую – выиграл, третью – заметив насупленный взгляд стармеха – предусмотрительно проиграл: так можно и в машинное отделение не попасть. Но умные всегда получают свое. Ефим с интересом осмотрел оба основных дизеля. Да, это тебе не движок от «фольксвагена»! Машины были серьезные и дышали как живые. В воздухе пахло машинным маслом и теплым металлом: очень даже приятный аромат для человека с инженерным дипломом. Стармех обрадовался, что наконец нашел толкового слушателя, понимающего красоту правильно приставленных друг к другу железок, и провел его по всему нутру «Океанской звезды». В полный восторг Ефима привели многометровые – и многотонные! – гребные валы, передающие движение от мощных судовых дизелей к огромным бронзовым гребным винтам, безостановочно вкручивающимся в море за кормой теплохода. Толстенные, они лоснились в масле и отсверкивали в свете мощных корабельных ламп, как гигантские, но жирненькие и веселые поросята на солнышке.

– А вода внутрь не просочится? – вдруг тревожно спросил Береславский, сообразив, что эти крутящиеся «поросята», чтобы добраться до винтов, должны пройти сквозь корму судна.

– Сальники специальные, – немногословно объяснил «дед». – Здесь это не проблема.

– А где проблема? – Ефим любил докапываться до конца во всем.

– На подводных лодках. На глубинах огромные давления. И вот там это проблема.

– А вы служили на военном флоте?

– Ага, – согласился стармех. – И капитан наш тоже. На крейсере начинал.

– Атомном?

– Нет, обычном. Даже покомандовать успел, пока на пенсию не вышел. Сейчас уже разрезали, наверное, старика.

– Кого разрезали? – ужаснулся рекламист.

– Корабль наш. Очень старый был. Еще артиллерийский.

Успокоившись, что с капитаном все в порядке – Ефим все же ни на миг не забывал, что под ним до твердой земли почти километр холодной соленой воды, – рекламист продолжил экскурсию.

– А это что? – указал он на большие вентили.

– Это – кингстоны открывать, – объяснил стармех. И, заметив неверную реакцию на лице рекламиста, успокоил: – Думаю, у нас до этого не дойдет.

Кроме «деда», неплохо общался Береславский и с палубной командой: во-первых, это тоже были приятные люди, а во-вторых, практичный рекламист понимал, что без их помощи – или по крайней мере молчаливого согласия – ему придется довольствоваться видами и «местами парковки», доступными для всех остальных пассажиров. А ему всегда хотелось отдельного, особенного. Отличного от других. Только на камбуз Береславский лезть не стал, хотя лет двадцать назад начал бы свои изыскания именно с кухни: как известно, чем ближе к повару – тем дальше от голодной смерти. На «Океанской звезде» голодная смерть не грозила даже самым удаленным от камбуза людям. Скорее наоборот: каждодневные обеды из шести-семи блюд – причем вкуснейших – приводили в отчаяние состоятельных туристов, сводя на нет результаты годовой деятельности их личных массажисток и диетологов.

* * *

– Ефим Аркадьевич! – раздался тоненький дребезжащий голосок. – Ефимчик, дорогой, вы здесь?

Ефим с некоторым сожалением понял, что его расслабленно-созерцательному состоянию приходит конец. С трудом развернув не столь гибкую, как хотелось бы, шею, он увидел то, что и ожидал увидеть. Этой старушке ни диетологи, ни массажисты ни к чему. Худенькая, легкая, с развевающимися на ветру розовыми кудряшками, она уже активно перелезала через невысокую металлическую калитку, ограждавшую рабочую зону от туристского «променада».

– Я тут, Людмила Петровна! – отозвался Ефим. Бог с ним, с созерцанием. Бабулька была ему очень симпатична, и он с удовольствием болтал с ней на самые различные темы.

– Ох, как вы тут классно устроились! – одобрила она строительные усилия Береславского и, слегка приподняв длинную, тоже розовую – в цвет волос – юбку, плюхнулась рядом.

Ефим немало поездил по свету, и, высмотри он эту тетушку где-нибудь в Испании или на Кипре, безошибочно угадал бы в ней туристку из Нового Света. Их можно было во множестве встретить на всех европейских курортах и во всех городах стандартных туристических маршрутов. Скопив к пенсии некоторые денежки и выпустив в самостоятельную жизнь подросших детей, полчища подобных бойких бабулек – разбавленные гораздо меньшим количеством оснащенных фотоаппаратами дедуль, – как жуки, вылезали из огромных автобусов. Отличались бабульки лишь цветом тщательно покрашенных волос: от подчеркнуто белых до кислотно-оранжевых. В остальном же вели себя одинаково: быстренько строились в пары за «вожатой», которая несла на дощечке, прибитой к палочке, номер их группы, и, громко гомоня, отправлялись получать впечатления, явно недополученные ими на протяжении предыдущей напряженной трудовой жизни. Вечерами же отрывались на мероприятиях, сильно смахивающих на комсомольские дискотеки: спиртное, правда, разрешено официально, но все происходящее – по сценарию ведущего. Некоторые знакомые Ефима из-за этого даже не любили ездить зимой на зарубежные курорты. «Приезжаешь, – рассказывали они, – в какой-то геронтоград: самые молодые «девчонки» – сильно за шестьдесят». Береславского же, с детства побаивающегося старости и часто об этом размышляющего, подобная публика только радовала. Самим своим существованием она доказывала ему, что и в восемьдесят лет жизнь не кончается: настолько естественно и ненавязчиво веселились эти люди. Жалко, что наши пенсионеры в большинстве своем не могут себе этого позволить. Ефим еще раз посмотрел на свою соседку: чистенькое белое лицо, натруженные, но тщательно ухоженные руки, умные, разве что чуть выцветшие с возрастом голубые глазки за очками в простой оправе. Под правым рукавом платья прижат резиночкой белоснежный платочек, которым Людмила Петровна время от времени протирает стекла очков. Платочек простенький, но с ручной вышивкой. Да и платье, если присмотреться, тоже вряд ли куплено в магазине: скорее всего сшито своими руками (в воображении Береславского тут же возникла допотопная швейная машинка «Зингер», переходившая в их семье из поколения в поколение и сгинувшая уже в его время. Немного осталось семей, где подобная техника еще используется). Вот манеры – да. Манеры Людмилы Петровны Евстигнеевой простонародными уж точно не назовешь. И речь здесь не об умении выбрать нужную из трех лежащих перед тобой вилок. Хотя именно она помогла разобраться в этом вопросе неотесанному рекламисту. Речь идет о той культуре поведения, которой не учат на краткосрочных курсах или по учебникам этикета. В некоторых семьях подобное обучение просто излишне. И Людмила Петровна была именно из такой семьи. Экстремально-розовые волосы и привычка ловко перелезать

через встречающиеся заборы – пожалуй, единственное, что слегка не вписывалось в типичный портрет представительницы потомственной российской интеллигенции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.